
ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Центральный аэроклуб Добровольного общества содействия армии, авиации, флоту Украины. Мастер парашютного спорта Е. В. Науменко инструктирует перед вылетом молодых спортсменов-парашютистов: слесаря-сборщика Владимира Бутова (слева) и электрика Юрия Пильника.

Фото Н. Козловского.

На первой странице обложки: Инженеры машиностроительного завода Юрий Екатов (слева) и Анатолий Липко — летчики-спортсмены. Они наблюдают за полетами своих товарищей по Центральному аэроклубу имени Чкалова (см. очерк «Сын летчика»).

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Вечер на Аральском море.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 32 (1365) 9 АВГУСТА 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА

Наша партия, советский народ, все передовое человечество отметили знаменательную дату — пятидесятилетие Коммунистической партии Советского Союза.

В эти дни миллионы людей как бы перелистали славные страницы истории, оглянулись на пройденный полувековой путь героической партии, воплотившей в жизнь стремления и мечты множества поколений, партии, под руководством которой построено социалистическое общество.

На партийных активах и собраниях, в беседах рабочих, колхозников и интеллигенции — повсюду говорилось о тесном единении народа с Коммунистической партией, о могучем влиянии созданной великим Лениным партии на весь ход новейшей истории, на судьбы человечества.

Наша партия одерживает великие победы по преобразованию общества потому, что она живет и действует на основе ленинских идейных и организационных принципов. Партия сильна единством своих рядов, высокой дисциплинированностью и коллективностью в работе.

Выступления на собраниях актива были проникнуты горячим стремлением успешно решить задачи, поставленные партией перед страной. В Москве и Ленинграде, Киеве и Минске, Баку и Ташкенте, Ереване и Тбилиси — повсюду коммунисты заверяли Центральный Комитет КПСС, что они отдадут все силы на борьбу за выполнение задач, выдвинутых XIX съездом партии, за построение коммунистического общества.

Пятидесятилетний юбилей Коммунистической партии превратился в событие международного значения. Все братские коммунистические и рабочие партии широко отметили знаменательную дату.

Закаленная в боях под руководством гениального Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина великого Сталина и их соратников, наша Коммунистическая партия является ведущей, руководящей и направляющей силой советского общества, строящего коммунизм.

Михаил Семенович Чухнов, член Коммунистической партии с 1906 года, рассказывает о своей подпольной работе комсомольцам — учащимся Киевского ремесленного училища № 2.
Фото Н. Козловского.

КОММУНИСТЫ

А. СТАРКОВ

Как рассказать о партийной организации завода, о делах и днях большого коллектива коммунистов? Может быть, рассказ о четырех из них и даст представление о людях этого коллектива.

I

...Полвека живет и борется наша партия, боевой союз единомышленников-коммунистов, и сорок восемь лет состоит в этом добровольном союзе литейщик Мартын Иванович Киммель.

Он стал большевиком в феврале грозового девятьсот пятого года, как бы заступив место своего отца, подпольщика, организатора забастовок, убитого рижской охранкой. Киммель-старший был застрелен на улице средь бела дня выстрелом из-за угла, когда возвращался домой с завода, где работал кузнецом. Но в полицейских списках революционеров фамилия Киммеля не была зачеркнута: отца сменил сын, и за ним тоже установили слежку. Мартына знали на многих заводах Риги: на «Эдварде Цеппе», на «Рихарде Поле», на «Ланге и К°». По заданию партийной организации он переходил с завода на завод, чтобы создавать подпольные ячейки. Хозяева поначалу охотно брали его, потому что он считался формовщиком первой руки. Но Мартын не избежал ареста: в девятьсот седьмом, в разгул реакции, его бросили в рижскую «Централку». Просидел четыре года. Выпустили под надзор полиции, будто и раньше-то, до тюрьмы, она не надзирала за ним... В Риге оставаться было опасно. Партия направила Мартына под другой фамилией в распоряжение Московского комитета большевиков. И вскоре в литейке завода «Динамо» появился молодой формовщик, который хотя и плохо говорил по-русски, а быстро нашел общий язык со своими новыми товарищами.

В Москве он не переходил с завода на завод, но и на «АМО», и на «Гужоне», и в Золоторожском трамвайном парке, и в Астраханских казармах былй у него друзья, с которыми Мартын встречался в кружках, на тайных партийных собраниях, на революционных массовках в лесу... В февральские дни 1917 года Мартын шел с демонстрацией через весь город и у здания городской думы дрался с черносотенцами, которые хотели отобрать у рабочих красное знамя. А весь Октябрь он провел на улицах Москвы как боец красногвардейского отряда. Брал телефонную станцию в Милютинском переулке, наступал на Китай-город, на Политехнический музей, где засели юнкера, бился с ними у Ильинских ворот, на самой Ильинке, на Красной площади, ворвался в Кремль...

Начиналась гражданская война, и Мартын собрался было на фронт, но его вызвали в Наркомзем и вручили мандат, предъявитель которого должен был «произвести учет всех пустующих имений в Витебской губернии». Посылали в Белоруссию на месяц, а он «задержался» там почти на десять лет. Нельзя же было, обследовав помещичьи хозяйства, снова бросить их на произвол судьбы: с помощью приехавших вместе с ним московских рабочих Мартын начал создавать в усадьбах совхозы... Потом борьба с бандитизмом, с кулаками, поднимавшими восстания в прифронтовой полосе... Работа в волостном ревкоме... Организация первых сельскохозяйственных артелей... Потомственный пролетарий, Мартын становился деревенским деятелем. И вдруг его затребовали в Витебск. «Кажется, ты имеешь некоторое отношение к литейному делу?» — спросили в губкоме партии. «Имею»,— сказал Мартын. «Мы решили восстановить один заводик... Надо литейное производство наладить...» С каким удовольствием после долгого перерыва взял он в руки опоку и вдохнул запах сырой формовочной земли! Отливали дымовые трубы для речных катеров, детали паровых машин. Мартын пробыл здесь до самого конца двадцатых годов, когда его перевели в Москву, на завод имени Владимира Ильича.

Вот тут, в литейном цехе, вы и встретите сейчас Мартына Ивановича Киммеля. Он технолог, но если вам вздумается поджидать его в цеховой конторке, зря убьете время, идите сразу на кокильный участок. Этот участок именуется так потому, что там льют детали не в обычных песочных формах, а в металлических — в кокилях. Кокильное литье — прогрессивный метод; Мартын Иванович — его энтузиаст, и о чем бы вы ни завели с ним беседу, он непременно заговорит о своем, о кокиле. Какая это замечательная штука!

Ну, посудите сами: вот лежат массивные чугунные кольца. Они предназначены для роторов, и знаете, как их прежде делали? Ковали! Представляете, какой это египетский труд: выковать кольцо диаметром в метр, а то и в полтора! Только и разговоров было об этих кольцах: они задерживали всю сборку. Кузнецы старались, но всякому старанию есть предел. И вот Мартын Иванович предложил отливать кольца. «Мы уже пробовали,— сказали ему,— «корольки» получаются, газовые раковины». «Пробовали в песке, а я говорю о кокиле». «Что? В кокиле? Мартын Иванович, дорогой, вы ведь опытнейший литейщик. Разве вам не известно, что в кокиле можно отливать лишь мелкие, простой формы детали?..» «Неизвестно! Были неудачи, правило из корысы выводить рано. Еще попытаемся...» Николаев, начальник цеха,— человек сверхосторожный. «Делайте,— говорит,— на свой страх и риск. Будет брак — отнесем за ваш счет». «Согласен». И Мартын Иванович отлил сто колец разных размеров. Отливал с Феликсом, одним из двух своих сыновей-литейщиков. Кольца получились такие, что и обжигать их не требовалось: посылай из литейной прямо к токарям.

Что кольца! Теперь и щиты для моторов льют по почину Мартына Ивановича в кокилях. А у щитов на что уж хитрая конфигурация... Конечно, их не ковали, отливали в песочных формах. Тоже морока. Нужно много земли, требуются опоки, деревянные модели, подъемные краны. Для каждой отливки новая форма. А в одном кокиле можно «вылепить» подряд хоть тысячу, хоть пять тысяч щитов. Правда, было осложнение с подъемом и сборкой форм. Но Мартын Иванович построил простенькую, похожую на карусель, конструкцию. На нее подвешивают кокили, никаких кранов не надо. Работая на этой «карусели», Феликс отливает за смену сорок щитов, прежде лили десять...

Да, о кокильном литье Мартын Иванович охотно с вами потолкует. А вот рассказывать о своей жизни не любит. Нужно долго «раскачивать» его, чтобы он заговорил о былом. И не очень уважительно относится к тем, кто старается прожить за счет своего прошлого.

— Есть у меня знакомый. По соседству живет, на Новопесчаной. Из подпольщиков, в тюрьмах сидел. Хранит кандалы, в которые был когда-то закован. Те самые или какие другие достал, не знаю... Ржавые. Держит в кабинете, над письменным столом подвесил. Лет двадцать уже не работает. Пенсию получает. А был, между прочим, отменный модельщик. Давно, понятно, до революции. После на ответственных постах состоял. Но и сейчас по модельному делу соображает. В кабинете токарный станочек поставил, по дереву забавляется, внукам финтифлюшки всякие вытачивает. «Кондратьич,— скажешь ему,— ты бы мастером в ремесленное пошел...» Постучит карандашиком по кандалам, прислушается, как звякают, и ничего не ответит. Сам, мол, понимай: настрадался, могу отдохнуть... Думаете, здоровьем слаб? Увязался с ним както на охоту, тридцать километров по болотам прошли, еле дышу, а он вышагивает, будто только-только в дорогу вышли... Здоровье — позавидовать. Отдыхает! А ведь этак со скуки на стенку полезешь...

II

В том же литейном цехе вы встретите Павла Ивановича Карева. Если вам показали в парткоме старенькую, но хорошо сохранившуюся фотографию, на которой сняты коммунисты ленинского призыва, может быть, вы узнаете в этом плавильщике человека, сидящего на снимке четвертым слева. Время прочертило на его лице морщины, побелило волосы, еще больше сдвинуло к переносице густые, нависшие брови, но, конечно же, это он. Фотография сделана в клубе сразу после собрания, на котором этих людей приняли в партию. Они сидят на сцене у стола президиума. В глубине виден большой плакат: земной шар, и на фоне его Ленин, произносящий речь. Многие из сидящих тут слышали Владимира Ильича: он не раз приезжал на завод и выступал на митингах рабочих. Еще при жизни Ленина заводу было присвоено его имя. Об этом говорит плакат, висящий над сценой: «Помни, ты — ильичевец».

Карев был в ту пору вагранщиком. Сейчас он бригадир на электроплавильной печи... Любит Павел Иванович пошутить, что-де вся жизнь прошла у печей: молодость провел в пекарнях, и вот уже тридцать с лишним лет металл варит... Грузный, медвежеватый, он стоит у пульта управления, и кажется, что стоя дремлет: тяжелые веки полуопущены,— но и в узеньких щелочки глаза все видят, а руки мгновенно реагируют на увиденное. Он всегда такой медлительный, сдержанный, умеющий до поры, до времени не выдать своих чувств. А уж вспыхнет в нем огонь — долго горит. Немало бед выпало в жизни на его долю. В последнюю войну потерял сына, любимца своего Алешу, который в двадцать лет уже славился на весь завод как искусный лекальщик.

Характер у Павла Ивановича не из легких. А с точки зрения начальника цеха Николаева даже хуже, чем у Киммеля. Мартын Иванович, если с каким делом обратится, а ответишь ему неопределенно, шуму не подымет, выслушает, уйдет к себе на участок и сделает по-своему. Получится удачно — победителей не судят, ошибется — всегда можно заявить: мы его, дескать, предупреждали, он нас не послушал...

Карев дотошней. Ты ему точно скажи: да или нет. И не отступится: в партбюро заявит, в партком пойдет, до райкома доберется...

Приходит как-то в конторку и говорит:

— Михаил Николаевич, печь у нас в полсилы работает. Даем две плавки, можем четыре.

— Этот вопрос, товарищ Карев, надо обсудить.

— Чего ж обсуждать? Обеспечьте шихтой — будут и плавки.

— Вы всегда так, товарищ Карев, скондачка...

— А все-таки, Михаил Николаевич, будет шихта?

— Примем меры...

Павел Иванович как вскипит:

— Ме-ры!.. Вечно обещаниями кормите!.. Делячеством занимаетесь!

Николаев спокойно отвечает:

— Прошу без личностей.

А Карев совсем распалился:

— Билет в кармане носите... Членские взносы платите... А партийности в вас не видать. Вы хоть, когда на завод по Партийной улице идете, вспоминали б о своей принадлежности к партии...

И еще что-то хотел сказать злое, да махнул рукой, вышел. А на другой день вызывают Николаева в партком: почему печь не на полную мощность используете? Почему инициативу зажимаете?

На собраниях так и жди от Карева какого-нибудь «ежа». Сидит тихонечко в первом ря-

ду, глаза прикрыты, вроде дремлет. Не дремлет! Вот выходит на трибуну, и начальство настораживается. Сейчас скажет, наверно, о злополучных тележках: задумали механизировать загрузку вагранок, дело хорошее, но с народом не посоветовались, сконструировали тележки, которые оказались непригодными и лежат теперь на складе лома... Или о чем другом? Во всяком случае, правду скажет — не опровергнешь.

Глазастый, колючий старик...

III

Еще не встретившись с токарем Смирновым, мы уже многое знали о нем. Личность на заводе известная — депутат областного Совета, член райкома партии,— и сведения об Александре Селиверстовиче собрать было не сложно. Биография? Самая простая, обыкновенная биография. Приехал в середине тридцатых годов из колхоза в Москву, поступил на завод вахтером, днем в проходной пропуска проверял, вечером на курсах токарей учился. Там их было сорок восемь. Сорока семи по окончании второй разряд присвоили, а Смирнову сразу третий. Значит, был посмекалистей. Он и в цехе быстро выделился, хотя отличиться среди инструментальщиков не так-то просто: это все мастера высокого класса.

Из рассказов, из заметок в заводской многотиражке складывалось впечатление, что Смирнов — человек удачливой судьбы. Есть такие, шагают по жизни широким шагом, не встречая на пути препятствий.

И вот мы в гостях у Александра Селиверстовича. Беседуем. Впечатление наше подкрепляется. Действительно, как легко все у него выходит. За что ни возьмется — удача! Все токари в цехе мучились с обработкой муфты мотора. Смирнов придумал способ, который снял все трудности разом. И нет ничего в этом хитрого. Смирнов хочет показать нам чертежик в подтверждение того, что это и в самом деле простая штука, и удивительно, как раньше до нее не додумались!.. Но чертежик найти не может. Ищет в ящиках стола, на комоде. Потом вспоминает: вон в той книге. Заложен между страницами. А что это за книга? Учебник. По токарному делу? Нет, по ботанике. Для пятого класса.

— Кто у вас в пятом классе?

Он вдруг вытягивается, руки по швам, и отвечает, как ученик на уроке:

— Смирнов Александр,— и тут же, улыбаясь, добавляет: — И уже не в пятом, а в шестом...

Вон оно что! Оказывается, этот сорокатрехлетний человек, у которого одна дочь в десятом классе, другая в девятом, а сын во втором, и сам школьник!

— Беда моя — малое образование. Я всегда это чувствовал, всегда это мешало мне. Выручали догадка, сноровка... А прошлой осенью крепко резануло меня по самолюбию. Я был делегатом XIX съезда партии. Помню, председатель мандатной комиссии докладывал о составе делегаций. Называл цифры: сколько с высшим, со средним, с низшим образованием. С низшим ничтожная цифра. «И я там»,— подумалось. Сижу, и кажется мне, что все делегаты оборачиваются на меня и разглядывают, как чудо. С низшим — теперь это, действительно, редкость. Решил: все, иду в школу. Со съезда вернулся пятнадцатого октября, а двадцатого сидел уже в классе. В шестом. Выдержал только четыре дня, сбежал в пятый. Больно трудно оказалось... В цехе посмеиваются, дружелюбно, конечно, но все-таки посмеиваются. Сорок три ведь мне! Найдите еще такого ученика в пятом классе! Дома тоже улыбки. Сынишка, первоклассник, спрашивает: «Пап, а пап! Кто тебе будет табель подписывать? Мама?» Ребятам моим весело, а мне тягостно. Особенно, знаете, не ладил с ботаникой. Сижу, цветок ржи в тетрадке зарисовываю. Сколько я этой ржи в колхозе накосил, а не знал, что «околоцветник состоит из двух цветочных чешуй, между которыми находятся три тычинки и один пестик». Вот как вызубрил! Заниматься, так уж заниматься... Составил строгий распорядок дня, каждая минута на учете, меня ведь ни от депутатских, ни от райкомовских обязанностей не освободили... Зато воскресный день в полном распоряжении. Сидим все четверо — дочки, сын и я. Антонина с логарифмической линейкой, Серафим два да два складывает, Тамара «Бориса Годунова» декламирует, а я, зажав уши, читаю учебник истории. А потом жена по книжке проверяет, как выучил... Хотите посмотреть табель? Для начала, для первого года, правда, неплохо? Есть и четверки, но в шестом я с ними разделаюсь...

Мартын Иванович Киммель с сыном Феликсом.

Фото Я. Рюмкина.

Мы слушали Александра Селиверстовича, и нам думалось, что у этого человека не такой уж легкий путь, а судьба у него удачливая, потому что он крепко держит ее в своих руках...

IV

...Тетя Поля, цеховая уборщица, никак не может привыкнуть к тому, что Витьку Комарова величают теперь Виктором Егоровичем: она помнит, как доставала ему деревянные бруски, на которые он становился, чтобы дотянуться до шпинделя станка. И еще она помнит, как этот тихий деревенский подросток превратился вдруг в забубенную головушку, в этакого залихватского парня, от которого водочкой попахивало. Но тетя Поля не знает, какие разговоры вел с Виктором начальник цеха Иван Иванович Калачев. Трудно сказать, какие слова находил этот старый металлист, работающий на заводе 45 лет, но Виктор вылетал из его кабинета пунцовый и потный...

Потом тетя Поля стала замечать, что около витькиного станка народ собирается. Любопытство тоже потянуло ее туда, но, увидев бешено вьющуюся стружку, она отпрянула в испуге. В обеденный перерыв ей дали плакатик, чтобы приколотила над станком: «Здесь работает токарь-скоростник В. Е. Комаров». «Вэ-Е,— повторила про себя старуха,— не Вэ-Е он, просто Витька».

А Виктору Комарову уже мало было одной скорости. Дошел слух о колесовском резце. Вот бы соединить скорость и силу резания... Одному это было не по плечу, образовалась целая бригада: заместитель начальника цеха Невструев, механик Одинцов, технолог Семенов, токарь Комаров. Токаря послали в Куйбышев: пусть на месте посмотрит, как там Колесов металл режет. Виктор приехал в Куйбышев, а утром того же дня Колесов уехал в Москву. Но в цехе, где работал новатор, было уже много колесовых, и Виктор не зря провел время.

Мысль его залетела далеко. Скорость... величина подачи суппорта... Все это хорошо. А если еще прибавить глубину резания? Если резец будет брать стружку вдвое толще? Какое это будет резание? И скоростное, и силовое, и «глубинное», а коль объединить в одно слово,— комплексное. Но чтобы применить новый метод, нужно было многое переделать в станке. Этим и занялась бригада, тоже комплексная.

В начале апреля нынешнего года токарь Виктор Егорович Комаров, как сообщили газеты, работая на высокой скорости и большой подаче, глубоко врезаясь резцом в металл, выполнил сменную норму на 700 процентов!

13 апреля токарь Виктор Егорович Комаров был принят в партию...

* * *

Ильичевцы...

Так называют себя те, кто работает на заводе имени Владимира Ильича.

Перед нами прошли четыре коммуниста-ильичевца:

Мартын Иванович Киммель, вступивший в партию 48 лет назад;

Павел Иванович Карев, коммунист ленинского призыва;

Александр Селиверстович Смирнов, связавший свою судьбу с партией в суровую годину Отечественной войны;

Виктор Комаров, член КПСС с 1953 года.

Люди разных поколений, несхожих биографий, но очень близкие друг другу, потому что все четверо — рядовые одной армии, солдаты великой партии...

Мир, дружба, единство!

Б. БУРКОВ, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Гостеприимство миролюбивой и свободной страны участники фестиваля ощутили сразу же после пересечения румынской границы. На каждой станции, даже разъезде сотни и тысячи людей горячо приветствовали делегатов, вручали им бесчисленное количество букетов цветов, записок...

Вот станция Бузеу. Школьники и пожилые люди, девушки и юноши в национальных костюмах от души, с чувством искренней любви пожимают руки советских делегатов, протянутые из окон вагонов, скандируют на русском языке: «Мир и дружба! Мир и дружба!». Возникает стихийный митинг. Торжественно звучит на русском и румынском языках Гимн демократической молодежи. Объятия и рукопожатия на прощанье. Трогается поезд...

Поезд идет в Бухарест. Румынский народ приветствует молодежь Страны Советов.

Мир и дружба! Это девиз фестиваля, его знамя. Под знаком мира и дружбы прошел III Всемирный конгресс молодежи. «Объединимся,— говорилось в его обращении к молодежи всего мира,— чтобы отдать наши молодые силы благородному делу мира, примем участие в движении народов за переговоры, взаимопонимание и мир! К этой борьбе мы призываем вас, братья и сестры, друзья и товарищи! Через единство к миру! Через мир к счастью! Вперед, молодежь мира! За мир и дружбу, за светлое будущее!»

Председатель Всемирного Совета Мира профессор Фредерик Жолио-Кюри в послании участникам фестиваля выразил пожелание, чтобы в течение предстоящих двух недель праздника прекрасная столица Румынии стала столицей молодости, столицей дружбы и мира. И Бухарест стал таким городом. Еще за неделю до начала фестиваля представители молодежи почти всего земного шара буквально завладели улицами и бульварами столицы Румынии. Едва вступив на привокзальную площадь, мы услышали Гимн демократической молодежи, исполняемый, по крайней мере, на пятнадцати языках одновременно. Гимн звучал стройно, торжественно, и мощь молодых голосов заглушала все остальные шумы огромного города.

...Вот стоит румынский рабочий. Бронзовое от загара лицо сияет радостью. В какую-то долю секунды на его глаза навертывается непрошенная слеза. Неловко, как бы чего-то стесняясь, он перекладывает из одной руки в другую сумку с овощами. Видно, ему нужно спешить домой — там ждет семья,— но он не двигается с места. Затем вдруг, как бы решившись, он быстро, почти бегом, приближается к молодым певцам и с увлечением подтягивает импровизированному хору.

...Молодая жизнерадостная мать поднимает своего ребенка, может быть, первенца, чтобы он прикоснулся к плечу советского человека. Как родному, передает седая женщина свою маленькую внучку на руки нашему спортсмену.

...Другой конец города. Пожилая женщина прикалывает какой-то значок к блузке советской спортсменки. Собеседницы обнимаются, смеются. Оказалось, что это значок члена ВЛКСМ. Дочь румынской женщины учится в Ленинграде.

— Ее подруги давно уже приехали на каникулы, а она задержалась. На днях жду и ее,— говорит мать.

Вечером, накануне открытия фестиваля, по улице Победы, идущей от площади Республики, пробиться можно было только с большим трудом. Улицу заполнили горожане, обступавшие делегатов фестиваля. Бухарест шумит, как улей в погожий летний день, шумит, поет, радуется.

Поистине гостеприимен румынский народ. Институты и школы превратились в общежития для гостей из 106 стран мира. К их услугам множество ресторанов и кафе, где хлебосольный хозяин — Народная Республика — угощает молодых посланцев мира. На бульваре Республики в распоряжение юношей и девушек отдано красивое здание. Это дом молодежи мира. Сюда, в Комитет фестиваля, днем и ночью идут приезжие. Тысячи молодых активистов Бухареста помогают им устроиться, подготовиться к выступлениям на фестивале.

* * *

...Утро 2 августа. Долгожданный день торжественного открытия праздника. Сплошной стеной выстроились жители города вдоль трассы, по которой следуют машины с делегациями. Счастливые владельцы билетов уже задолго до открытия заполнили стадион. Нужно отдать должное организованности бухарестцев: при огромном скоплении людей, легковых автомашин, автобусов, троллейбусов нигде нет больших заторов, и пешеходы без особого труда пробираются сквозь толпу к стадиону имени 23 августа.

До начала праздника около двух часов, но на стадионе ни одного свободного места. Как бы ни был избит образ, каким бы старым он ни казался, нельзя не сравнить трибуны, заполненные людьми, с чудесной клумбой цветов самых разнообразных оттенков. Жаркое бухарестское солнце изрядно припекает. Видимо, поэтому белый цвет преобладает над всеми другими.

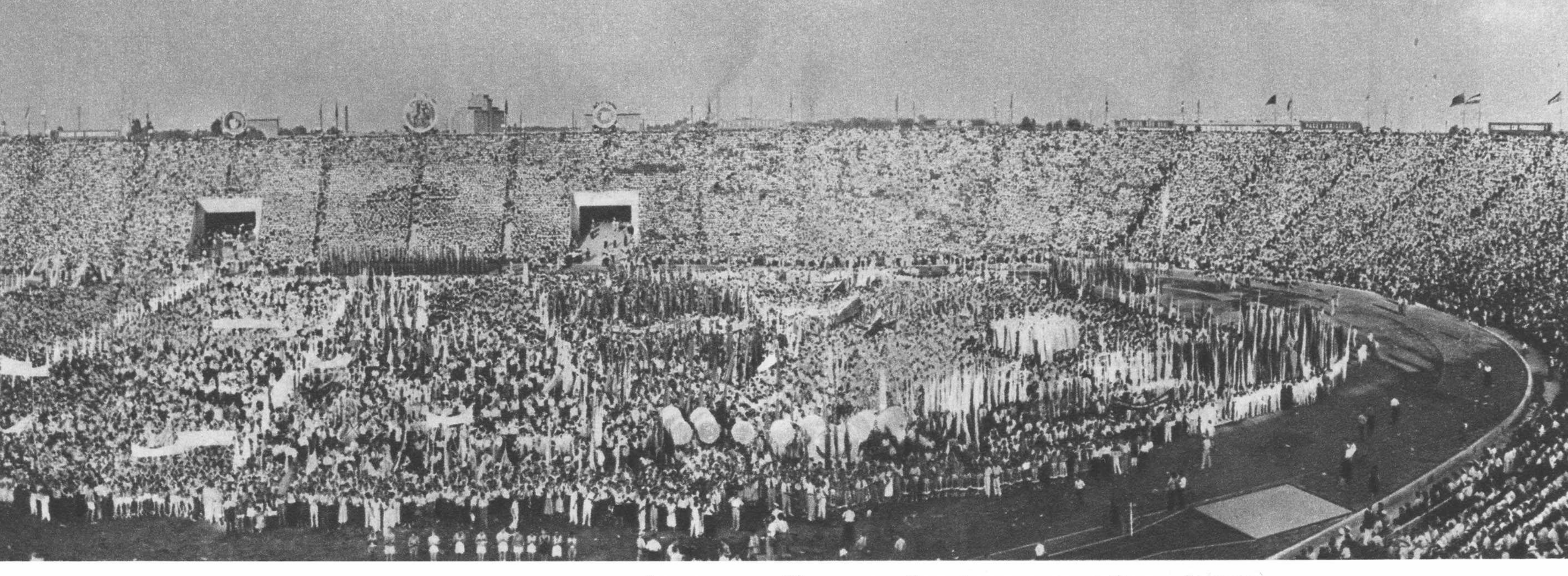
Раздаются дружные аплодисменты. Они все громче и громче. По беговой дорожке совершают «круг почета» молодые строители стадиона...

Но вот наступает тишина. На поле появляются 100 фанфаристов. Торжественные звуки фанфар возвещают об открытии праздника. Под музыку марша и гул оваций на беговую дорожку вступают первые колонны делегатов.

Несут знамена фестиваля, знамена Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов. Статные, загорелые молодые люди проносят утопающую в цветах эмблему фестиваля: устремленные вперед юноша и девушка, высоко подняв сплетенные руки, выпускают голубя мира.

Цветы и цветы... Молодые красивые лица... Мимо трибун плывут знамена стран — участниц фестиваля. Делегаты Албании открывают шествие. Зрители бурно приветствуют их. Как бы в ответ из

Стадион имени 23 августа в Бухаресте во время открытия фестиваля.

колонн вырываются и взлетают в небо сотни цветных шаров.

Идут аргентинцы, австралийцы, австрийцы...

В колонне Бирмы всего лишь 6 человек.

«Молодежь Бирмы,— написано на красном полотнище,— борется за свои права».

Далеко не все гости — участники фестиваля — свободно приехали на свой праздник. Поэтому некоторые делегации, особенно из колониальных стран, малочисленны. Один такой делегат поведал нам историю своих мытарств. Чернолицый юноша — назовем его Чао, как он сам просил,— добирался до Бухареста долгие месяцы.

Молодые болгары в своих национальных костюмах идут под звуки спортивного марша. Стадион горячо аплодирует. К зрителям летят букеты цветов. Воздух мгновенно наполнился ароматом гвоздики...

На поле стадиона вступает большая делегация Китайской Народной Республики. Ни на минуту не стихающие аплодисменты перерастают в мощную овацию. Все встают. Красивая бело-голубая колонна стройно движется вдоль рукоплещущих трибун. Над головами китайских делегатов колышутся красные гладиолусы. Несутся приветственные возгласы в честь народа-героя.

Гладиолусы, гвоздика, георгины... Каких только цветов нет на этом стадионе! Какое разнообразие одежд, какое богатство танцев, песен, исполняемых делегациями перед трибунами!

Вот парни и девушки в ярких костюмах лихо исполняют танец с топориками. Это чехи. В той же колонне спортсмены Чехослова-

По стадиону несут эмблему фестиваля.

Приветствуют советскую делегацию.

С победой, дорогие корейские друзья!

Крепка дружба советской и корейской молодежи.

кии, возглавляемые Эмилем Затопеком.

Движется двухтысячная колонна финнов, дружно скандируя: «Мир и дружба!»

Звучит «Марсельеза». Шагает французская молодежь. Вдруг над головами марширующих взметнулись сотни разноцветных флажков, словно бурная река подхватила и в своем потоке уносит все те цветы, которые только что взлетали над стадионом.

С трибун к делегации пробирается юноша. Он подбегает к молодым французам, что-то взволнованно говорит им. Обступившие его начинают скандировать: «Анри Мартэн! Анри Мартэн!» Вечером мы узнали: получена приветственная телеграмма от отважного борца за мир Анри Мартэна, только что освобожденного из тюрьмы.

По тому, как горячо аплодируют немецкой молодежи, понятно: зрители искренне и глубоко сочувствуют ее справедливой борьбе за объединение родины. Стройными рядами под одним знаменем идут молодые немцы из Германской Демократической Республики и Западной Германии. Аплодисменты не утихают. Это приветствуют юношей и девушек Англии, Греции, Гватемалы, Гаити, Венгрии, Исландии, Индии, Индонезии, Италии, Японии...

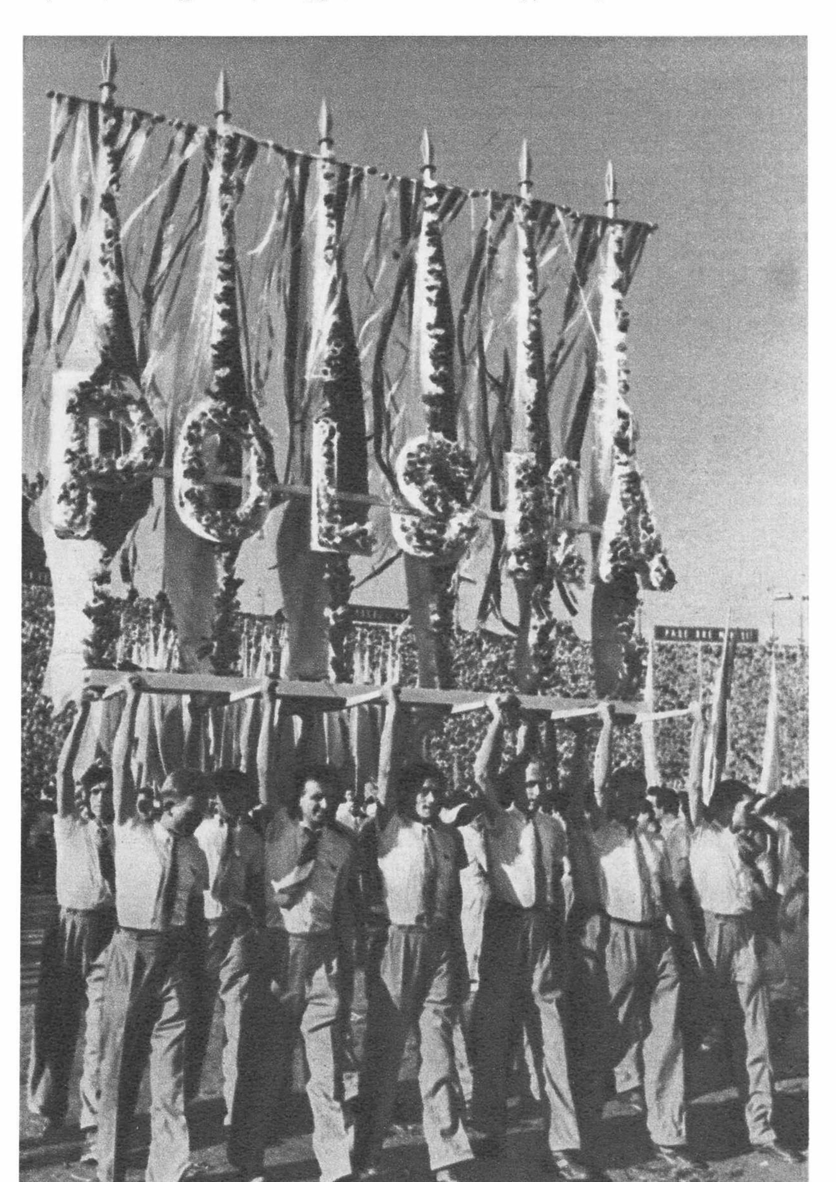
Одним из самых запоминающихся событий в часы торжественного открытия празднества была встреча, которую устроил стадион представителям молодежи Кореи. В буре приветственных возгласов и аплодисментов потонули звуки оркестра. Французы, чехи, венгры, англичане, негры, уже построившиеся на футбольном поле, побежали навстречу корейцам. Корейских воинов, возглавлявших колонну, подняли на руки и понесли. На какое-то время стройные ряды смешались. Люди обнимают друг друга, корейскую молодежь забрасывают цветами. Крошечная белокурая девчушка, энергично вырвавшись из отцовских рук, быстро бежит по зеленому ковру стадиона. Дотронувшись до руки корейской девушки, она, счастливая, тотчас помчалась обратно. Ни одного равнодушного лица не было в эти минуты среди всей многотысячной массы участников грандиозного праздника.

Идет рядом молодежь Сирии и Ливана. Проходят юноши и девушки Монгольской Народной Республики, Марокко, Голландии, Норвегии, Патет-Лао, Польши, Испании, Турции, США, Советского Союза.

Наша страна давно заслужила любовь и доверие миллионов и миллионов людей земного шара. И ее представителей всегда встречают с чувством искреннего уважения и восхищения. Но восторженная овация, устроенная молодым посланцам страны социализ-

Молодежь великого Китая.

Делегация Польши.

Проходят сыны и дочери румынского народа.

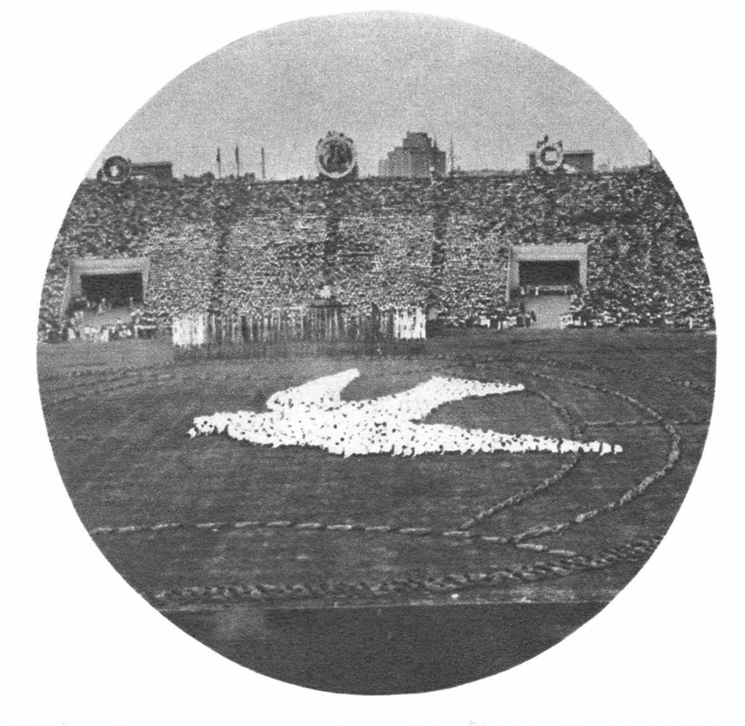
ма здесь, на стадионе, должно быть, превосходила все, что когда-либо видели даже бывалые участники международных дружеских встреч. Как только советская делегация показалась перед трибунами, навстречу ей выбежал африканский юноша и вручил цветы. Дальше все шло более или менее чинно. Но вот колонна приближается к месту построения корейской делегации. Корейцы с цветами бросаются к советской молодежи, и теперь они шагают рядом, сыны и дочери двух дружественных народов.

Нечто подобное произошло и с делегацией Вьетнама. Последняя «пострадала от нападения» юных французов. На одной из наших фотографий вы видите финал этой «операции»: французские юноши несут на плечах бойцов Народной армии Вьетнама, демонстрируя горячее стремление своего народа к миру и прекращению грязной колониальной войны.

Всеобщее восхищение вызвало заключительное шествие румынской молодежи.

☆ ☆ ☆

После парада, в котором приняло участие 25 тысяч представителей молодого поколения различных национальностей, с кратким приветствием, обращенным к участникам фестиваля, выступил генеральный секретарь ВФДМ Жак Дени. Затем произнес речь доктор Петру Гроза — председатель Президиума Великого национального собрания Румынской Народной

Всеобщее восхищение вызвали выступления румынских спортсменов. Живой «Голубь мира».

На трибуне — председатель Президиума Великого национального собрания Румынской Народной Республики Петру Гроза и генеральный секретарь ВФДМ Жак Дени (слева).

Юноши Франции несут на плечах вьетнамских делегатов.

Идут советские делегаты.

Юноши и девушки Албании.

Делегаты Нигерии.

Республики. 18 часов. Председатель фестивального комитета принимает эстафету мира. Жак Дени объявляет IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов открытым. Пять представителей делегаций пяти великих держав направляются к мачте со знаменем Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Оркестр исполняет Гимн демократической молодежи. Белое полотнище знамени медленно поднимается ввысь.

Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою...

— далеко над городом разносятся эти слова гимна. И веришь, что в ряды славных борцов за мир будут становиться все новые и новые миллионы единомышленников.

Взлетают десять тысяч голубей. Весь стадион скандирует на румынском языке: «Мир и дружба!»

Хочется еще раз сказать о гостеприимстве румынского народа. Когда окончилась торжественная часть открытия, по радио попросили освободить в определенных секторах места для участников парада. Это значило, что двадцать пять тысяч человек должны были покинуть стадион. Можно смело сказать, мало кому хотелось уходить, тем более перед выступлением румынских спортсменов. Но хозяева быстро уступили место гостям.

В последовавших затем спортивных выступлениях приняли участие 9,5 тысячи юношей и девушек Румынии. Не часто приходится видеть столь слаженно, четко, безукоризненно выполненные упражнения! Можно от души поздравить румынских спортсменов и с полным правом сказать: «Очень хорошо!»

...Двенадцать часов ночи. Бурлят площади и улицы Бухареста. На открытых сценах идут концерты. Праздник только открылся. Он будет продолжаться две недели.

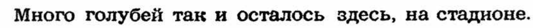
Ежедневно в Бухаресте будут проходить более сорока концертов и спектаклей, демонстрироваться картины в пятидесяти двух кинотеатрах. На площадках, стадионах, в спортивных залах состоятся десятки товарищеских соревнований. Предстоят сотни дружеских вечеров-встреч делегаций разных стран.

Можно не сомневаться в огромном успехе фестиваля.

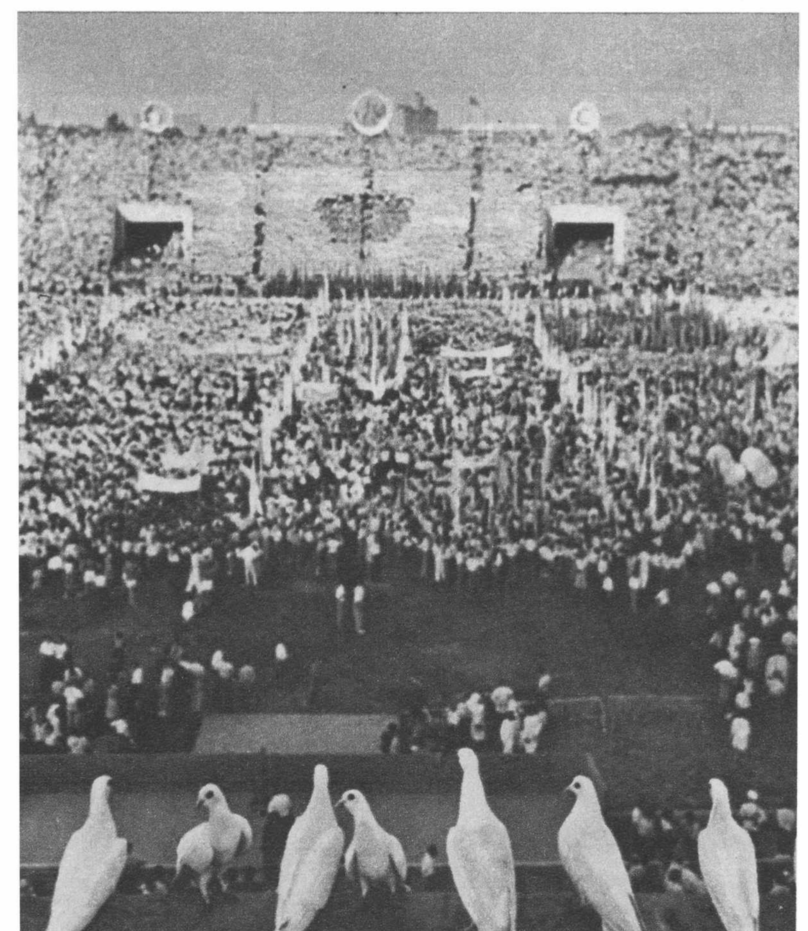
Бухарест, 4 августа.

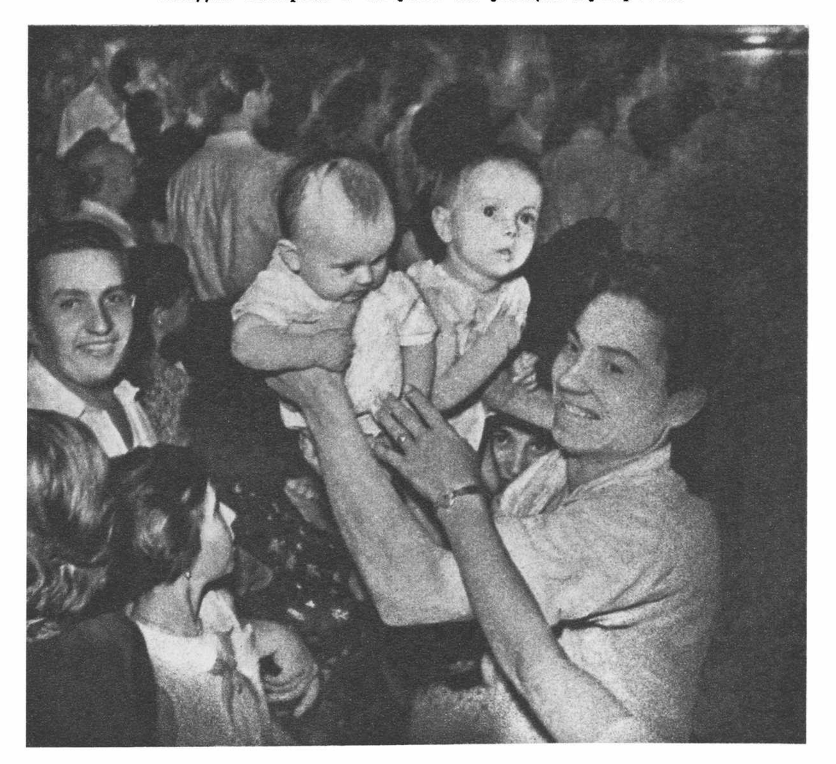

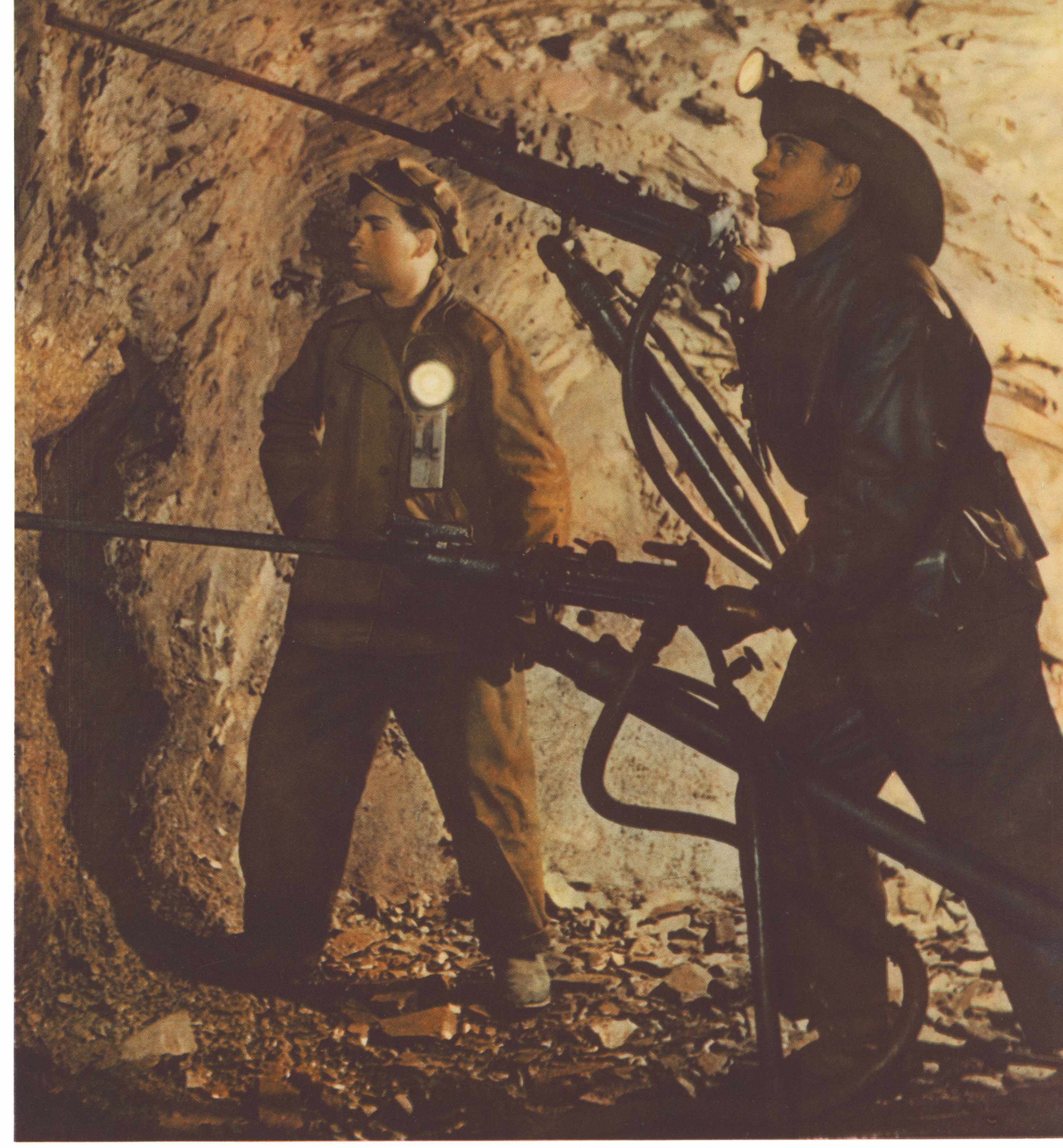
Поздно вечером 2 августа на улицах Бухареста.

Много голубей так и осталось здесь, на стадионе.

С двумя молотками

В эти дни все Криворожье говорит о Петре Чайковском, проходчике с шахты «Большевик».

Что сделал этот девятнадцатилетний юноша? Он начал работать двумя бурильными молотками.

Но разве это в новинку? Разве до Чайковского такие новаторы, как Митрофанов, Осьман, не применяли по два—три перфоратора сразу? Применяли, но только при бурении вертикальных отверстий. А вот бурить горизонтальные шпуры одновременно двумя молотками никому еще не удавалось.

Однажды Петр Чайковский, спустившись в шахту, узнал, что его напарник заболел. Пришлось бурить в одиночку. Рядом стоял в бездействии молоток товарища. Смелая мысль мелькнула у молодого проходчика: а что если попробовать двумя?

В это время мимо проходил парторг участка Александр Богдан, сам опытный бурильщик. Он услышал стук двух молотков. Это удивило его: он знал, что товарищ Чайковского болен. Кто же помогает Петру? Подошел поближе и увидел, что Чайковский управляет сразу двумя перфораторами. Богдан встал ко второму молотку и помог Петру закончить бурение.

Лиха беда — начало. Чайковский первый изо всех горняков взялся за ручки двух перфораторов при горизонтальном бурении. Конечно, долго так не выдержишь: молотки очень неустойчивы, и удерживать их длительное время невозможно. Но, совершив первый шаг, хочется сделать второй. Чайковский и Богдан стали думать, как бы придать молоткам устойчивость. С помощью техников они создали новую конструкцию опорной пяты.

И вот Петр Чайковский снова в забое. Перед ним два перфоратора. Теперь их уже не нужно поддерживать. Молотки стоят крепко, уверенно вгрызаясь в забой. Проходчик лишь изредка поправляет их. Он начал выполнять по две — три нормы за смену.

Новаторский почин Петра Чайковского подхвачен десятками бурильщиков Криворожья.

На снимке: передовой бурильщик, новатор рудника «Большевик» комсомолец Петр Чайковский (справа) и заместитель начальника участка парторг Александр Богдан.

Фото Я. Рюмкина.

Дважды Герой Социалистического Труда доярка племенного молочного совхоза «Караваево» (Костромской области) Аграфена Васильевна Нилова.

Фото О. Кнорринга.

Прямо на бетоне летчики разложили модели самолетов. Все внимательно слушают командира. Слева направо: Ю. П. Богачев, В. В. Алексеев, А. В. Васильев, Г. В. Барычев, А. Г. Громов, М. П. Герасимов, Ф. П. Оноприенко, В. И. Медведев и Н. Н. Шульженко.

ПЕРЕД ВОЗДУШНЫМ ПАРАДОМ

В День Воздушного Флота СССР многочисленные зрители, заполняющие обширные секторы Тушинского аэродрома, наблюдают выдающееся летное мастерство советских военных летчиков. Групповой пилотаж звена, пятерки и девятки на скоростных реактивных самолетах — один из труднейших номеров программы. Стремительность, прекрасная слетанность и четкость в действиях — все это вызывает восхищение и законную гордость советских людей за свою родную авиацию, за ее бесстрашных и мужественных людей.

Отважные русские летчики первые в мире освоили высший пилотаж на реактивном самолете. Через некоторое время высший пилотаж был выполнен уже не одним реактивным самолетом, а звеном. Храмов, Ефремов и Соловьев как бы расчертили небо тончайшими узорами, поразив зрителей красотой, изяществом и точностью эволюций.

Опыт новаторов стал достоянием сотен советских летчиков. Теперь высший групповой пилотаж на скоростных реактивных самолетах выполняется звеном, пятеркой, девяткой. Ведут эти группы майор Валентин Фокин, подполковник Александр Бабаев и гвардии полковник Николай Шульженко.

...У мастеров высшего пилотажа горячая пора. Идет напряженная подготовка ко Дню Воздушного Флота.

В этом году сложный комплекс фигур высшего пилотажа покажет москвичам известный летчик Валентин Лапшин. Мы видим, как он тщательно отрабатывает в воздухе каждую фигуру. Реактивный самолет послушен любому движению его руки.

Вслед за тем на бетонированную полосу выруливают три машины. Проходят секунды, и, сверкнув молнией, они растворяются в голубом небе. В кабинах этих самолетов три искусных летчика: Валентин Фокин, Анатолий Гаврилов и Юрий Фитин. Если Фокину и Гаврилову уже не раз приходилось принимать участие в групповом пилотаже, то Юрий Фитин в нынешнем году впервые удостоен такой высокой чести.

Стремительно выполняется весь комплекс фигур высшего пилотажа. В едином строю группа выписывает петлю Нестерова. Полупетли, переворот, горка, восходящие бочки — фигуры следуют одна за другой.

Полет окончен. Ведущий звена майор Фокин, получив замечания от руководителя, проводит краткий разбор. Есть небольшие шероховатости в пилотировании. При выполнении одной из фигур чуть-чуть отстал первый ведомый, он сам заметил свой промах. В следующем полете это не повторится.

Трудно пилотировать современный скоростной самолет. Во стократ труднее действовать в группе. Огромная скорость, близость самолета товарища требуют напряженного внимания, исключительной точности в движениях. Этого добились летчики краснокрылой пятерки. Ее водит испытанный воздушный воин — подполковник Александр Бабаев. Он в совершенстве овладел современной техникой, искусством обучения и воспитания мастеров высшего пилотажа. Его ученики Михаил Уницкий, Леонид Кузнецов, Анатолий Неверов и Паисий Мантуров в дни авиационных празднеств не раз участвовали в полетах над зеленой чашей Тушинского аэродрома. В этом году они покажут свое возросшее боевое и спортивное мастерство.

Звено майора В. М. Фокина. Слева направо: В. М. Фокин, Ю. В. Фитин, А. И. Гаврилов.

До полета остались минуты. Тщательно выверены машины, изучено задание. Летчиков пятерки собрал ведущий—подполковник А. Бабаев. Последние указания, распоряжения командира — и офицеры разойдутся по самолетам. Сегодня им предстоит выполнить весь комплекс фигур высшего пилотажа.

Герой штурма Берлина Николай Николаевич Шульженко много раз водил девятку реактивных самолетов. В этом году в День Воздушного Флота СССР он опять возглавит знаменитую девятку.

Перед полетом Шульженко собрал группу. Разложены модели самолетов, и летчики внимательно слушают указания ведущего — здесь нет мелочей, которыми можно было бы пренебречь. Через некоторое время девятка уйдет в воздух.

...Стремительно проносится группа реактивных самолетов. Опережая звук своих двигателей, они выполняют каскад фигур высшего пилотажа. С земли кажется, что все машины связаны прочными невидимыми нитями. Самолеты действительно связаны единой волей советских летчиков, их непреклонным стремлением с честью выполнить свой долг перед Родиной, перед любимой Коммунистической партией.

Б. ДУБРОВИН

Хорошо пилотировали! Летчики пятерки довольны прошедшим полетом. Слева направо: А. М. Неверов, Л. С. Кузнецов, А. И. Бабаев, П. Ф. Мантуров и М. Н. Уницкий.

Фото Т. Мельника.

Юрий Екатов.

Аркадий Никифорович Екатов в 1920 году.

Сын летчика

Павел КРАВЧЕНКО

Юре Екатову повезло: отец его и почти все знакомые отца были летчиками. И в школе ему нередко приходилось снисходительно объяснять малышам, для чего нужен элерон и сколько витков может самолет сделать в штопоре.

Впрочем, иногда приходилось делать поправки к прежним объяснениям. Так, например, однажды выяснилось, что самолет в штопоре может сделать, казалось бы, немыслимое количество витков: тридцать два! Летчик-испытатель Аркадий Никифорович Екатов доказал это при тяжелом и ответственном испытании.

Отец был скромен до застенчивости и не рассказывал о головоломных случаях из своей летной биографии. Об этих случаях Юра узнавал чаще от матери или от друзей отца. А жизнь у неразговорчивого и застенчивого пилота была красивой и удивительно мужественной.

Разве не захватит дыхание, если слушаешь, как двадцатитрехлетний Аркадий Екатов, закусив губу и положив одну гранату рядом с сиденьем, а другую за пазуху, взлетал навстречу двум, трем белогвардейским самолетам мстить за погибшего товарища? Или другой случай: у Аркадия тиф. Температура — сорок с десятыми. А белые рядом, и самолет оставлять им нельзя. Приказ командира: больному военлету Екатову перелететь на своем самолете в расположение перебазировавшихся красных частей. И он перелетел! Правда, упал после этого без сознания на траву, рядом со своей драгоценной, хотя и изрешеченной пулями машиной. А когда через несколько дней Красная Армия перешла в наступление, самолет Екатова, пилотируемый другим военлетом, бомбил переправы.

Бывало и так, что в кабине взрывались бензиновые пары — обжигало лицо, сгорали брови. А на каких самолетах приходилось сражаться! «Летающие гробы» — так и называли их. Но что выделывали на них первые советские военные летчики! 28 мая 1920 года у города Борисова Екатов встретился с двумя белогвардейскими самолетами. Они значительно превосходили по скорости его старенький «Ньюпор». Но Екатов, переходя из одной головокружительной фигуры в другую, подбил вражескую машину, вторую обратил в бегство, потом пошел на Борисов, сбросил обе десятифунтовые бомбы, выпустил по противнику из пулемета всю ленту, разведал расположение белогвардейских частей, сбросил десять фунтов листовок, а когда вернулся обратно, увидел: нервюры — каркасы крыльев — расклеились, полотно отстало от них, потому что все гвоздики выскочили.

У самолета расклеились нервюры! Нервы же военлета Екатова остались в порядке. Бомбардировщик, истребитель, разведчик и агитсамолет, представленный совокупно в маленьком и неуклюжем «Ньюпоре», был опять подбит сапожными гвоздиками и снова поднялся в воздух...

Потом появились первые самолеты советской конструкции. На одном из них Аркадий Екатов вылетел в знаменитый перелет Москва — Пекин. Аэродромов на трассе почти не было, садиться приходилось куда попало. Но за перелетом следила страна. В Москве, на Пушкинской площади, висела огромная карта «Москва—Пекин», по которой ежедневно передвигались флажки.

Над Байкалом попали в ураган, на одном из этапов перелета на летчиков пытались напасть хунхузы. И все же шесть советских самолетов всего за один месяц добрались от Москвы до Пекина. Это было в 1925 году, когда Юры Екатова еще не было на свете. В ту пору Аркадий Никифорович Екатов был уже в числе лучших летчиков страны.

После перелета Екатов неутомимо испытывал все новые и новые машины. Но вскоре у него появилась еще одна гражданская обязанность: в 1927 году родился Юра — сын, с которым тоже надо было заниматься.

В школе Юра учился на «отлично». Отцу казалось, что этого мало. И он говорил сыну: «Развитие мозга должно обязательно подкрепляться развитием тела. Человек будущего должен быть развит гармонично».

Если они шли кататься на лыжах с горы, то гору выбирали обязательно крутую. Когда выезжали на машине за город, отец усаживал сына за руль: «Привыкай к рулю; это — увлекательное занятие — добиваться, чтобы машина была покорной.. Слышишь, как свистит воздух?»

Когда началось обучение плаванию, отец серьезно спросил: «Хочешь, я тебя брошу сразу на глубокое место?» «А не утону?» «Зачем же тебе тонуть? Бей по воде руками — поплывешь. Да и я рядом — не дам утонуть. Или страшно?» «Страшно». «Правильно, так и должно быть вначале. Ну? Бросать?» «Да», — по-отцовски сжав губы, отвечал мальчик. Так он выучился плавать.

На охоту за зайцами часто ходили без собаки: «Знаешь, так иногда интереснее: больше самим поискать и побегать придется». И с каким упоением мальчик тащил на себе первых своих двух зайцев, «убитых без собаки»!.. Рыбная ловля, стремительный мотоцикл,— собственно, почти все виды спорта казались одинаково интересными. Но самым заманчивым представлялся самолет. Вот это спорт!

В то время Юра написал:

«Вот уже полгода, как я школьник. Учусь на «отлично». Сейчас читаю книгу «Дети капитана Гранта».

После уроков катаюсь на лыжах.

Мой папа летчик.

Когда вырасту,— стану тоже летчиком.

Юра Екатов».

Тринадцатилетнему Юрию отец сказал: «Мечтать о самостоятельных полетах ты, конечно, можешь, а производить их советую после того, как получишь высшее инженерное образование. Через пятнадцать лет авиация будет совсем иная»...

В 1941 году Аркадий Никифорович Екатов трагически погиб при испытании нового самолета. В семье старались не плакать: отец очень не любил слез. Плакали по ночам.

Свою первую задачу Юрий помнил: учиться только на «отлично». Так он и делал. Посерьезнел, вытянулся, похудел. В войну, во время школьных каникул, работал авиационным мотористом на аэродроме. К авиации относился

серьезно, изучал досконально. В 1949 году прыгал с парашютом. Став студентом, поступил в аэроклуб. Подготовился к этому хорошо: еще весной сдал экстерном материальную часть, теорию полета, метеорологию, наставление по производству полета, штурманское дело, технику пилотирования.

И вот подготовка к первым полетам. Вокруг — друзья-аэроклубники: рабочие, художники, инженеры, студенты,— все решили в свободное время стать летчиками-спортсменами. Со знанием дела идет разговор:

— Видел, сегодня Петя три бочки выполнил?

— Ну, как же! Чисто! А спираль у него какая точная...

— Смотри, смотри, как Михаил идет — зависает...

— Да... неважно!

Дожидаясь своего полета, частенько приходилось забираться под крыло и просматривать конспекты лекций, готовясь к следующему экзамену в институте: сдавать экзамены попрежнему надо было только на «отлично» — летный спорт не должен этому мешать.

* * *

С земли кажется все ясно. На земле любая автомашина, мотоцикл слушаются беспрекословно. Но вот в воздухе инструктор впервые дает тебе ручку управления: «Лети по прямой. Главная твоя задача — не допускать крена и вести самолет по прямой». Хорошо это говорить — не допускай крена. А самолет не слушается, у него свои законы. И вылезаешь из кабины мокрый от напряжения.

Потом оказалось, что самолет тоже умеет слушаться хорошо — и даже взлет проходит прилично. Значит, все ясно, и ты совсем уже летчик, если бы не эта посадка. Ах, посадка!.. Как исправить высокое выравнивание и сесть на три точки, чтобы не упустить направления, не сделать крена и резко не дернуть ручку на себя? Как не допустить «козла», а уж коли допустил, то здесь же его исправить? Да еще инструктор нарочно сделает «козла» неожиданно для тебя и сидит, смотрит, как ты выйдешь из положения. Сложная техника! И посадочная площадка всегда кажется чересчур мала.

Но вот наконец обнаруживается, что и это не сложно, нужны лишь собранность, внимательность и точный расчет. Все в порядке! Давайте самостоятельный полет! Хватит летать с инструктором!.. Не тут-то было. Инструктор сидит сзади тебя и продолжает производить над тобой всякие опыты. Это продолжалось так долго, что Юрию даже показалось, что у него пропал интерес к самостоятельному вылету.

Тогда ему этот самостоятельный вылет разрешили.

Наконец один в воздухе... После того как взлетел, Юрий даже обернулся назад: нет ли инструктора? Явно нет — вместо него лежит мешок с песком. В книжках пишут, что в таких случаях начинаешь петь. Он петь не стал. Покричал только для очистки совести. Сделал первые свои три круга ничего, неплохо.

Все? Нет, впереди самое интересное—обучение высшему пилотажу. Парашютирование. Виражи. Развороты. Спираль. Восьмерки. Змейки. Скольжение. Петли. Перевороты. Штопор. Наконец, комплексный пилотаж.

Фигуры часто не получались. Упорно не выходили, например, перевороты. Смелости не хватало? Нет, во время выполнения думаешь не об этом. Вот, например, штопор. Очень неприятное ощущение, когда тебе показывает его инструктор. А потом, когда наконец входишь в штопор уже сам, кажется: никаких ощущений у тебя нет. Только успеваешь витки считать... Нет, здесь дело не в смелости, а в технике. Техники — вот чего не хватало. Романтика в авиации настолько перемешана с математикой, полет требует такой точности, что спорт оказывается где-то совсем рядом с твоими занятиями в институте. А когда и это наконец понял, то инструктор сказал: «Ну вот, теперь более или менее сносно...» Вскоре Юрию Екатову выдали свидетельство в том, что он летчик-спортсмен.

В институте ученье шло хорошо. А в аэроклубе каждые полгода опять сдавал теоретические зачеты. Забывать науку пилоту нельзя, и летать без этого нельзя. Новый, более совершенный самолет изучался зимой. И опять перевороты, петли Нестерова, полупетли, бочки, восьмерки...

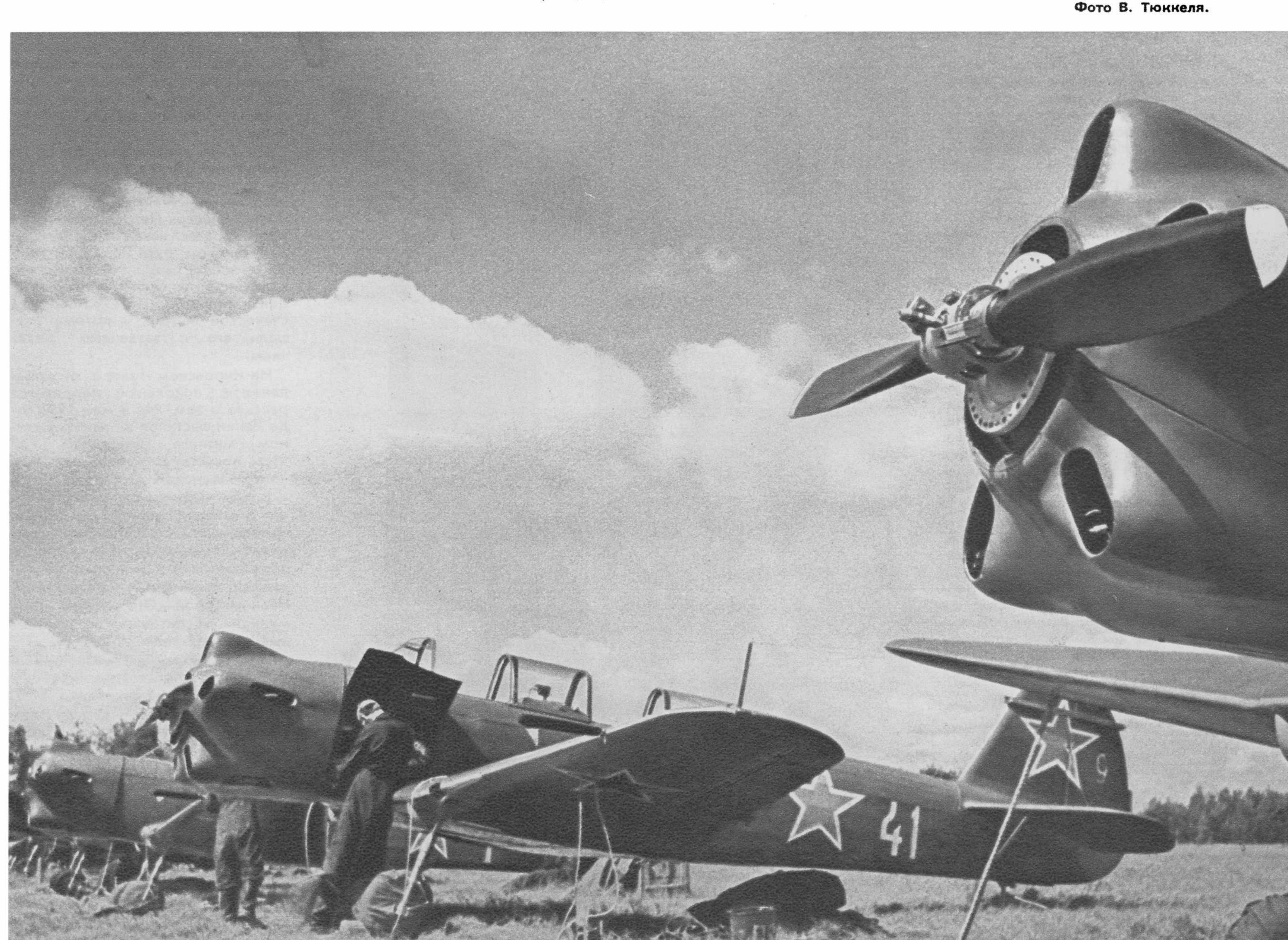
В институте это был последний курс, и, конечно, никаких скидок даже летчику-спортсмену не давали. Надо было готовиться к защите дипломного проекта. И в то время, когда друг Юрия Анатолий Липко уже в группе из 32 спортивных самолетов чеканил в кильватерном строю сложные фигуры высшего пилотажа, Юрий старался поменьше поглядывать в окно и осторожно выводил на ватмане тонкие линии сложного чертежа... Диплом в институте он защитил на «отлично».

Инженер Юрий Аркадьевич Екатов только начал свою спортивную биографию: налета у него всего лишь часов семьдесят. Впереди заманчивые перспективы. Очень интересно работать инженером на заводе. И очень интересно посвящать все свободное время любимому спорту. Вот стать бы таким спортсменом, как Бодрягина, делать весь комплекс высшего пилотажа за минуту двадцать секунд! А Екатов пока укладывается в минуту пятьдесят секунд. Каждая лишняя секунда — проигранное очко на соревнованиях. Надо делать так: кончать одну фигуру — уже обдумывать вторую, выходить на нее моментально и заканчивать ее с той же скоростью, с которой надо начинать следующую,— и так до конца, пока не будет выполнен весь комплекс... Есть ли у него для этого возможности?

Командир спортивного авиазвена М. П. Чечнева знает: у сына знаменитого летчика Аркадия Екатова такие возможности есть.

На аэродроме у летчиков-спортсменов.

Фото В. Тюккеля.

Выставка, посвященная 50-летию Коммунистической партии, в зимнем саду ленинградского филиала Музея В. И. Ленина.
Фото Р. Мазелева.

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

По набережной Фонтанки весело шагают юные пионеры. Впереди рослый паренек — барабанщик, рядом — горнист с трубой, поблескивающей на солнце. Ребята вышли из Измайловского сада — там лагерь пионеров Ленинского района — и двумя рядами вытянулись по старинной, одетой в гранит набережной.

— Куда? — силясь перекричать дробь барабана, спрашивает идущий навстречу мальчик.

— В квартиру Ильича,— отвечают сразу несколько голосов.

Мальчик мигом пристраивается к колонне. Отряд сворачивает в переулок Ильича.

У дома, на фасаде которого укреплена мраморная доска, останавливается автобус с экскурсантами. Они приехали из Ташкента, Мурманска, Киева, Кишинева. Высеченные на мраморе слова воскрешают в их памяти те далекие дни, когда великий Ленин создавал боевую революционную партию рабочего класса.

В городе на Неве — свидетеле трех революций — много площадей, улиц, домов, связанных с историей Коммунистической партии, жизнью и деятельностью ее основателя В. И. Ленина. Ленинские места как бы наглядно иллюстрируют славные этапы полувекового пути героической партии коммунистов.

...Дом 7 в переулке Ильича, некогда называвшемся Большим Казачьим. Вместе с пионерами поднимаемся по узкой лестнице на третий этаж. Здесь, в крохотной комнатке, жил Владимир Ильич в 1894—1895 годах. Отсюда он ходил на рабочие окраины Петербурга, где вел пропаганду в марксистских кружках, готовил кадры будущей партии.

За Невской и Нарвской заставами, на Васильевском острове и Выборгской стороне Ленин посещает квартиры рабочих — И. В. Бабушкина с Семянниковского завода, В. А. Шелгунова с Обуховского, Б. И. Зиновьева с Путиловского, ведет занятия, узнает об условиях труда рабочих, об их нуждах и чаяниях.

«Осенью 1893 года,— вспоминает В. А. Шелгунов,— я сидел в одной из питерских конспиративных квартир. Человек с Волги хотел меня видеть, и я его ждал.

В комнату вошел молодой человек среднего роста в рыжем потертом пальто. Всмотревшись в меня, он протянул руку и отрекомендовался:

— Ульянов!

Он мало говорил, больше слушал... живо интересовался положением питерских рабочих — кто из них участвует в кружках и есть ли у меня знакомые рабочие, способные руководить дружинами».

Ленин был связан с крупными заводами, «...ибо крупные заводы (и фабрики),— писал он позднее,— включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью».

Из отдельных марксистских кружков Ленин создал в 1895 году петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — этот зачаток революционной марксистской партии. Союз был связан с социал-демократическими организациями Москвы, Киева, Ярославля, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Орла, Твери, Минска...

С огромным интересом рассматривают экскурсанты в квартире-музее редкую фотографию, запечатлевшую группу членов этого Союза.

На карте указаны места, где под руководством Ленина проходили совещания, собрания членов «Союза борьбы».

Из переулка Ильича с группой экскурсантов отправляемся к берегам Невы. Вот красивый Мраморный дворец, где помещается филиал Центрального музея В. И. Ленина. Нескончаемый людской поток движется сюда в эти дни. Широкая лестница ведет в зимний сад, где открыта выставка «50 лет Коммунистической партии Советского Союза».

Исторические документы рассказывают, как зарождалась, мужала и крепла в боях революционная марксистская партия рабочего класса.

В центре зала большая мраморная доска. На ней золотом сверкают ленинские слова:

«Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!».

Тут же первый номер ленинской «Искры», материалы Второго съезда РСДРП, «Полный текст протокола II очередного съезда РСДРП» с речью Ленина по вопросу о программе партии.

В том же 1903 году, сейчас же после Второго съезда РСДРП, одной из первых стала под знамя Ленина подпольная ячейка Путиловского завода. Партийная организация Путиловского, ныне Кировского, завода является ровесницей партии. Здесь и сейчас можно встретить ветеранов-путиловцев, которые помнят, как Владимир Ильич приходил в рабочие кружки. По зову Ленина путиловцы создавали отряды Красной гвардии, шли на штурм капитализма.

Мы были свидетелями одной из волнующих бесед, какие в эти дни проходят в цехах прославленного завода-гиганта. Старый коммунист слесарь Петр Автономович Ипатов рассказывал молодежи о полувековом пути партии. Ипатов — живой свидетель многих революционных событий, славных дел и подвигов великой Коммунистической партии, и потому слушали его с затаенным дыханием.

На Кировском заводе от поколения к поколению передается рассказ о том, как в мае 1917 года Ленин выступал на многотысячном митинге путиловцев. Об этом повествует и памятная доска на заводском дворе.

В годы индустриализации кировцы осваивали тракторы, турбины, пропашники... Раскройте книги «Хлеб», «Поднятая целина», и вы познакомитесь с волнующими образами путиловцев — Давыдовым, Иваном Горой... Это стойкие коммунисты, воспитанные и закаленные в рядах великой партии.

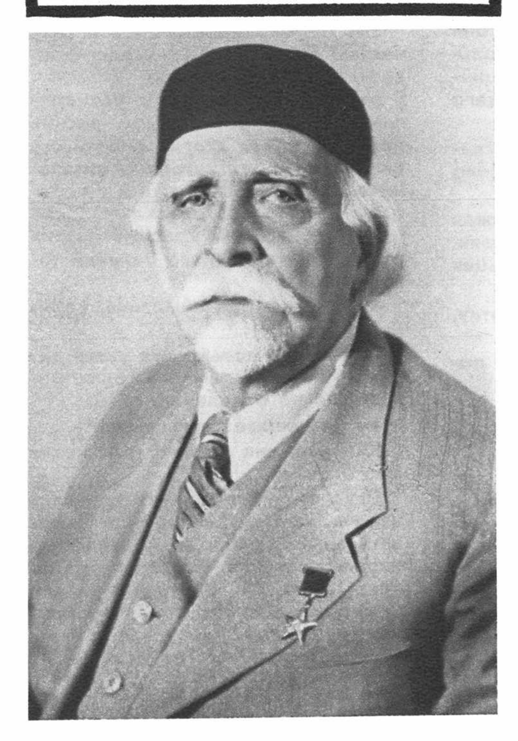
Жив неукротимый революционный дух путиловцев-кировцев. Старое и новое поколение коммунистов-кировцев — верная опора партии, ведущей страну к коммунизму.

К. ЧЕРЕВКОВ

Пионеры выходят из квартиры-музея В. И. Ленина.

Николай Дмитриевич ЗЕЛИНСКИЙ

Советская наука понесла большую утрату. 31 июля 1953 года на 93-м году жизни скончался Герой Социалистического Труда, трижды лауреат Сталинской премии, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова академик Николай Дмитриевич Зелинский.

Николай Дмитриевич был крупнейшим химиком-органиком, многогранным ученым, воспитателем нескольких поколений химиков. Ему принадлежит более 250 оригинальных научных трудов. Его работы по органическому катализу, синтезу и в других областях органической химии всегда были ведущими исследованиями в мировой науке. Им был изобретен первый отечественный противогаз.

Выдающиеся открытия, сделанные Н. Д. Зелинским, дали возможность поставить промышленное производство ароматических углеводородов из нефти. Много труда отдал Н. Д. Зелинский разработке методов исследования состава нефтей и изучению природы отечественных сырьевых источников и нефтепродуктов. Глубокие исследования Н. Д. Зелинского в области белков позволили по-новому подойти к решению вопроса о строении этих важнейших веществ.

В течение шестидесятилетней успешной научно-педагогической деятельности в Московском университете академик Зелинский постоянно объединял вокруг себя молодых талантливых исследователей и создал одну из самых крупных научных школ в Советском Союзе. Его ученики работают во всех концах страны в институтах и на заводах, в лабораториях и на кафедрах высших учебных заведений.

Николай Дмитриевич Зелинский являлся неутомимым борцом за мир. Советские люди знают его горячие обращения к ученым, к молодежи с призывом отстаивать дело мира.

Выдающиеся заслуги ученого перед наукой и перед Родиной были высоко оценены советским правительством. Академику Н. Д. Зелинскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он был награжден четырьмя орденами Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Советские ученые, советская молодежь, весь советский народ гордятся замечательным неутомимым деятелем науки и горячим патриотом Родины, отдавшим всю свою жизнь служению социалистическому Отечеству.

ПОДАРКИ ДРУЗЕЙ

В зале подарков Дворца культуры Сталинградского тракторного завода.

Фото Н. Белобородова.

Миниатюрная наковальня с кузнечным молотом, крохотные слесарные тиски, маленький нож, выкованный из бронебойной пули... Эти вещицы дороги сталинградским тракторостроителям, как напоминание о друзьях, разбросанных по всему земному шару. На этикетках пестрят названия городов и сел Германской Демократической Республики, народного Китая, Болгарии, Польши. На них не указано имен тех, кто до зеркального блеска отшлифовывал металл, разрисовывал красочным орнаментом ткань, выжигал замысловатые узоры по дереву. Но и без того видно,— это дело рук мастеров, чьи сердца согревало большое чувство братской дружбы с людьми Сталинграда.

Издалека приезжают в город-герой многочисленные делегации. Знакомясь с достопримечательностями Сталинграда, они бывают и на тракторном заводе. И все, кто бы ни попадал сюда, вручают на память заводскому коллективу свои дары.

Так постепенно образовалась большая, интересная коллекция — свидетельство широких интернациональных связей сталинградцев. Коллекцию разместили во Дворце культуры, в специально оборудованном и недавно открывшемся зале подарков зарубежных друзей.

Замечательными образцами промышленных изделий, красочными альбомами, волнующими документами представлена здесь свободная Чехословакия. Среди вещей из Румынии — праздничный национальный костюм крестьянской девушки, украшения из горного хрусталя, шкатулка с продукцией табачных фабрик. Варшавские полиграфисты вручили сталинградцам красивое издание поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». А рядом, под стеклом, бинокли, фотоаппараты — творчество оптиков и металлистов народных предприятий Германской Демократической Республики.

Привлекает внимание книга в плотном красном переплете, куда заносят записи своих впечатлений зарубежные гости.

«Я навсегда запомню счастливые лица детей, вдохновенно поющих песни в этом Дворце».

Виктор Вильям — поэт Австралии, член федерации докеров Австралии».

«У нас только в клубах богачей, где бывает чрезвычайно ограниченное количество людей, вы могли бы найти такую роскошь, как в этом Дворце культуры».

Дайсон Картер — президент Общества канадско-советской дружбы».

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Ленинградские мастера книжной графики

С Петербургом прочно связана история отечественного искусства оформления, украшения, иллюстрирования книги. Ленинград всегда был одним из самых крупных центров графического искусства. Таким он остается и поныне. В этом убеждаешься, знакомясь с выставкой книжной графики ленинградских художников в Москве. В экспозицию включены произведения свыше сорока мастеров. Здесь мы встречаем наиболее значительные работы, созданные ленинградскими графиками за последние годы.

Выставка свидетельствует, что художникам Ленинграда присуща высокая культура рисунка при некоторой строгости, сдержанности общего стиля. Следование хорошим традициям русской книжной графики во многих случаях соединяется у ленинградцев со свежестью художественной интерпретации литературных произведений. Так, К. Рудаков (недавно умерший) создал иллюстрации к «Дон-Кихоту», кое в чем напоминающие классические образцы, но в то же время такие живые и сочные (особенно акварельные варианты), так свежо отражающие современное восприятие бессмертного образа Сервантеса, что эти работы уверенно можно назвать новым словом в иллюстрировании классика испанской литературы. В серии иллюстраций А. Харшака к «Воскресению» Л. Толстого, в которой есть некоторая перекличка с известными работами Л. Пастернака на ту же тему, художник постарался более глубоко раскрыть социальный смысл романа. Зато неровен другой иллюстративный цикл того же мастера, посвященный автобиографической трилогии М. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Художник не раскрыл достаточно глубоко образы, созданные великим писателем.

Из иллюстраций к сочинениям Н. В. Гоголя заслуживают быть отмеченными работы молодой художницы Л. Подлясской («Петербургские повести»), в которых есть верное понимание эпохи.

Теплота и искренность, свойственные таланту Ю. Непринцева, пронизывают и его иллюстрации к «Морским рассказам» К. Станюковича.

К сожалению, на выставке очень мало иллюстративных работ, посвященных советской литературе. Наиболее интересно, с большой любовью ленинградцы иллюстрируют современные произведения для детей. Украшением экспозиции служат тончайшие, полные поэтической прелести рисунки В. Курдова к рассказам В. Бианки. Мастерски работают Е. Чарушин, А. Пахомов. Как мастер книжного оформления выступает Г. Епифанов. Его переплет, титул и шмуцтитулы для издания «Комедий» Г. Фильдинга отличаются подлинным изяществом.

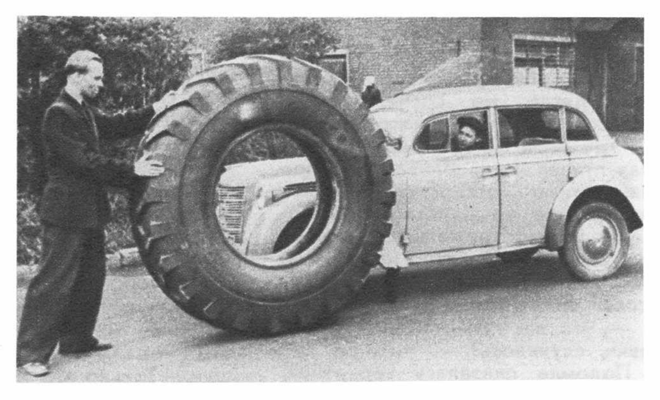
Хочется отметить, что до сих пор в столице редко организуются отчетные выставки произведений художников других городов. Экспозиция ленинградской книжной графики, тепло встреченная москвичами, показывает, насколько интересна и плодотворна такая форма выставок.

А. КАМЕНСКИЙ

Ю. М. НЕПРИНЦЕВ. К. М. Станюкович. «Морские рассказы».

Гигантская покрышка

Четыре человека с удобством размещаются в «Москвиче». Но посмотрите на снимок: какой маленькой выглядит машина по сравнению с колесом самосвала!

Покрышки к двадцатипятитонным самосвалам Минского автозавода имеют в диаметре метр семьдесят сантиметров. Весит она триста пятьдесят килограммов.

Ярославский шинный завод освоил серийное производство покрышек к минским самосвалам. Скоро ярославцы выпустят опытную партию покрышек еще большего размера.

Фото А. Шевича.

В Полесье

Отшумели весенние ливни над украинским Полесьем, и буйная, пропитанная влагой растительность пошла в яростное наступление на болота.

Красивы полесские леса в весеннюю пору, но и коварны! Немало хлопот доставляют водителям машин разбухшие от влаги лесные дороги и разлившиеся озера.

Как ни любил свои родные леса молодой киномеханик Василий Федоренко, но в эту ночь он имел все основания быть недовольным.

Началось с того, что перед третьим сеансом в будку к Василию зашел начальник отдела кинофикации М. А. Крайковский.

— Вася! — сказал он. — Есть срочное дело: надо выручить Тимощука; наша машина с бочками бензина застряла в лесу. Отвезешь запасные детали и поможешь в починке. Ночью в ту сторону идет колхозная полуторатонка.

Васе было обидно, что ломалось начало его отпуска и, значит, запланированная рыбалка, о которой он уже договорился вчера с соседом, не состоится. Но от поручения отказываться нельзя. «Докрутив» последний кадр, Василий проверил киноленты, аппаратуру и, не забегая домой, отправился к машине.

К месту аварии добрались уже на рассвете. Среди звуков просыпающегося леса Вася уловил деловитое, размеренное постукивание дятла. На сосне, совсем близко от тяжело накренившейся грузовой машины, красноголовая птичка выдалбливала в коре аккуратные отверстия. Юноша приветливо улыбнулся маленькому упорному труженику, подошел к машине, поплевал на руки и пополз под кузов, где уже орудовал шофер Тимощук.

— Что же тут, Михаил Ананьевич, случилось?

Поломка оказалась серьезной, пришлось разобрать весь задний мост машины. Нужно было поставить новый подшипник, который привез с собой Вася.

Долговязый неразговорчивый Тимощук работал молча, а Вася высвистывал все знакомые ему мелодии из кинофильмов. Когда ремонт был окончен и они, устало разминаясь, поднялись с земли, солнце уже клонилось к закату. Василий искренне пожалел, что не забежал домой и не взял ничего съестного. Тимощук сокрушался, что во время аварии потерял сверток с хлебом и салом.

— Ничего, часика через два будем дома! — утешали они друг друга, садясь в машину.

Однако получилось иначе. Проехали всего километров десять, и... машина застряла. Небольшая, неопасная на первый взгляд лужа оказалась глубоко размытой ямой, которая всосала передние колеса машины.

Наконец «ЗИС» выбрался из ловушки. В сгущающихся сумерках проехали еще 15 километров и... опять застряли.

Стало ясно, что до утра отсюда не выбраться. Усталые и голодные, друзья продолжали все-таки сражаться с весенней распутицей: собирали палки, ветки, делали помост, пытаясь вытащить машину. Ко всем бедам Василий повредил и без того больную ногу. Сейчас она распухла и горела, как обожженная.

Василий вслушивался в звуки ночного леса: где-то завывал волк, протяжно кричал филин. Почти над головами пролетел, тяжело взмахивая крыльями, жирный вальдшнеп. Вася определил, что еще нет двенадцати часов ночи.

Луна уже взошла. Слева от машины плотной стеной вставал сосновый лес, справа тянулся низкорослый кустарник.

— Не спится что-то! — сказал Тимощук.— Давай соберем хворосту, разложим костер, согреемся.

В эту минуту раздался внятный, все нарастающий гул мотора.

— Разве машины ходят по ту сторону реки? — спросил удивленно Вася.

— Нет, не могут ходить: там вода,— ответил Тимощук.— Только это не машина гудит. Разве не чуешь?

Вдруг над зубцами сосняка и кустарника на высоте приблизительно 300 метров появилась черная крестовидная тень самолета.

— Пассажирский, что ли?— неуверенно протянул Тимощук.

— А почему он без огней летит? Разве так положено? — В голосе Василия послышалось смутное беспокойство. — Ой, Михаил Ананьевич, глядите только, что делается!

В бледном ночном небе заколыхались два купола — зонты отделились от самолета и плавно спускались в заросли. В то же мгновение самолет исчез из поля зрения, и только спустя несколько минут послышался удаляющийся рокот мотора, набирающего высоту самолета.

— Что же я стою! — глухо сказал Василий.— Надо идти, срочно сообщить...

— Конечно, надо, — поддержал Тимощук. Он был явно растерян. В его больших загорелых пальцах папироса дрожала.

Вася нервно расстегнул куртку, потом снова застегнул ее.

— Михаил Ананьевич, я пошел,— сказал он.

Сын лесника, Василий Федоренко с детских лет привык к лесу и чувствовал себя в нем хозяином; подростком он пробирался по едва приметным тропкам этого леса в партизанский лагерь, спрятав под курткой шифровки. После войны, окончив школу киномехаников, Василий все свои выходные дни проводил на рыбалке или на охоте. Не раз он с глазу на глаз встречался с дикими кабанами и волками и метко стрелял в них. Федоренко никогда не трусил в схватке со зверем и во время ночевок в лесу не испытывал страха.

Сейчас какое-то томительное чувство овладело юношей. Но это не был страх, нет! Он физически ощущал присутствие врага в своем родном лесу, врага, более хитрого и коварного, более опасного, чем хищные звери. От мысли о том, что враг рядом, близко, пробирается сквозь заросли для того, чтобы совершать свои гнусные дела, у Василия перехватывало дыхание.

«Только бы успеть! Только бы гады не ушли далеко!»

И Вася бежал по кратчайшему пути. А бежать было тяжело: больная нога опухла. Юноша спотыкался о переплетенные корни деревьев, падал, подымался...

Вот он, заветный огонек лесничества! Тяжело дыша, Федоренко ввалился в дежурную комнату. В растрепанном парне с расцарапанным до крови лицом лесник не сразу узнал всегда опрятного, веселого и подтянутого киномеханика, приезжавшего к ним с передвижкой. Но разговаривать было некогда: Василий яростно крутил рукоятку старенького телефонного аппарата.

— Михаила Максимовича, срочно!

— Капитан только что ушел домой,— ответил далекий голос дежурного по отделению МВД.

— Соедините с квартирой!

Киномеханик коротко рассказал обо всем.

Едва он успел обмыть кровоточащую ногу и наскоро забинтовать ее, как около домика лесничества загудели машины, раздались голоса. Василий увидел комсомольцев соседнего колхоза имени Хрущева во главе с Иваном Захарчуком. Тот обращался к работнику МВД:

— Товарищ старший сержант, разрешите нашим комсомольцам отправиться с вами...

...Лунные блики падают на загорелые, необычно строгие лица юношей, блестят на стальных автоматах бойцов. Вот уже несколько часов они ищут в лесу парашютистов. Остроухая овчарка, ведущая бойцов по следам, прибежала на небольшую полянку, где недавно были сделаны посадки сосняка. Собака вдруг легла на брюхо, поползла по взрыхленной влажной земле и бессильно упала; глаза ее смотрели на бойца жалобно, страдальчески... Местность была посыпана отравляющими веществами. Пришлось унести больную овчарку в машину.

Близ поляны удалось обнаружить место приземления парашютистов, а спустя еще несколько часов на небольшой соседней железнодорожной станции задержали и самих лазутчиков.

Подробности Василий Федоренко узнал не скоро. После бурной ночи киномеханик отлеживался и отсыпался целые сутки, а потом ознаменовал начало своего отпуска выходом на рыбалку.

Вместе с соседом, таким же худеньким загорелым пареньком, он сидел, притаившись, в самодельной шаткой плоскодонке, прислушиваясь к лесным шорохам.

Друзья благоговейно закинули удочки. Легкая рябь разлилась по реке. Светало... Василий глядел, как розовеет за соснами небо, как выступают из ночного мрака пышные прибрежные леса, и думал о том, что нет милее и краше родного Полесья.

А. САМСОНОВА

Украина.

Рисунки В. Высоцкого.

РЕЙКЬЯВИК — КОПЕНГАГЕН — ПРАГА

Путевые очерки

Борис ПОЛЕВОЙ

2. Свежий ветер над Данией

Мы прилетели в Данию в субботу под вечер. Лето было в разгаре. Как-то необычно было видеть буйство сочной, изумрудной зелени, которая так и рвалась на улицу из-за оград палисадников, после крохотных парков и скверов Исландии, где за каждым деревцом ухаживают, как за любимым дитятей.

Шел тот час, когда в Копенгагене кончают работу предприятия и учреждения. Еще не доехав до отеля, мы стали свидетелями одного из характерных явлений датской жизни: уличное движение в Дании, безусловно, подчинено велосипедистам. Целые потоки велосипедистов, подобно волнам прилива, неторопливо катят по улицам. Быстро работая ногами, спешат на видавших виды машинах труженики, возвращаясь домой с завода, с верфи, с рыбного промысла. Неторопливо катит бок о бок молодая парочка, положив друг другу руки на плечи и даже ухитряясь целоваться на ходу. С корзинками на багажнике спешат на базар домашние хозяйки. Важно едет на совершение мессы священник. Озабоченно катит по вызову трубочист. Пожилая бабушка на допотопном велосипеде сопровождает на прогулку внучка, старательно крутящего педали своей крохотной машинки. Матери везут на прогулку детей: тех, кто побольше,— в креслице, прикрепленном к багажнику, поменьше — в плетеном стульчике, впереди руля, а малюток — в специальных закрытых колясочках, прикрепленных к велосипеду. И, как бы подчиняясь этому бесконечному потоку сотен, тысяч машин, движение которых в часы пик напоминает косяки рыбы, идущей на нерестилища, трамваи, автобусы, автомобили и даже самый недисциплинированный элемент уличного движения — пешеходы — покорно уступают им дорогу.

Копенгаген для нашей делегации был лишь транзитным пунктом перелета из Рейкьявика в Москву. Но Общество датско-советского сотрудничества, возглавляемое известным ученым-философом, профессором столичного университета Йорген Йоргенсоном, попросило нас задержаться для нескольких встреч с копенгагенской общественностью.

— Вы не пожалеете: у нас подул свежий ветер,— сказали нам датские друзья.

И действительно, пять дней пребывания в Копенгагене, встречи с датчанами на многолюдных собраниях, концертах, на открытых дискуссиях, пресс-конференциях, откровенные и большей частью дружественные беседы с простыми людьми — все это показывало нам, как в Дании понемногу рассеивается туман бесстыдной антисоветской пропаганды.

Пресс - конференция, которую дала наша делегация, продолжалась около четырех часов. На нее сошлись не только представители прогрессивной печати, но и газет, которые занимали да и сейчас занимают антисоветскую позицию, пришли сотрудники агентства Рейтер и датчане, пишущие в американские газеты.

В числе вопросов, на которые пришлось отвечать, были и такие, которые нельзя было слушать без улыбки. Нас спрашивали, например, правда ли, что советские литераторы пишут свои произведения по планам, даваемым правительством? Может ли советский человек безнаказанно беседовать с иностранцем?

Но не эти вопросы — плод убогой фантазии «знатоков русской жизни» из «Голоса Америки» — определили общий тон встречи. На следующий день, просматривая газеты, мы увидели в них довольно обстоятельные и в общем правдивые отчеты о том, что говорилось на пресс-конференции. Те же, кто последнее время специализировался на изготовлении антисоветских статеек, отмалчивались. Это, по словам датских друзей, было знаменательное молчание.

Но особенно мы почувствовали сдвиги в датском общественном мнении на вечере вопросов и ответов, который по просьбе Общества был устроен нашей делегацией в одном из столичных клубов. Желающих потолковать по душам с советскими людьми оказалось немало. В зале не хватало стульев. Явились журналисты и писатели, предприниматели и рабочие, клерки и директора крупных фирм. Многие пришли явно предубежденные, с вопросами, заранее заготовленными и носившими на себе отпечаток клеветнических статей и радиопередач. И все же я не преувеличу, сказав, что в общем эта встреча носила, несомненно, дружественный характер. Вопросы, почерпнутые из грязных источников «Голоса Америки», встречали с трудом сдерживаемое негодование собравшихся. Самый простой, правдивый ответ, устанавливающий истину, вызывал одобрение датчан, людей, как известно, отличающихся трезвостью ума, здоровым юмором и не склонных верить сказкам, хотя их страна справедливо считается родиной прекрасных сказок.

Среди многих других записок я получил, например, такую: «Не так давно я читал в газете «Политикен» на первой странице статью, в которой говорится, что у вас и в советской зоне оккупации Германии сказки Андерсена были переведены на большевистский лад, то есть короли, принцы и принцессы были превращены в трудовых героев, ударников и т. п. Верно ли это?»

Вопрос был предельно нелепым. Я усомнился в том, что серьезная газета могла поместить подобный бред. Но в зале послышался смех и веселые восклицания:

— Было напечатано, было! Здесь сидит один из редакторов «Политикен». Пусть он подтвердит!

Тогда я рассказал, как любят наши дети сказки Ганса Христиана Андерсена, которые издаются наряду со сказками Пушкина, Ершова, сказками «Тысячи и одной ночи» и другими сокровищами этого жанра с величайшей бережливостью и притом тиражами, каких не знает и родина великого датского сказочника. Я рассказал, что в детском театре Москвы и во многих провинциальных театрах уже несколько лет идет инсценировка сказки Андерсена «Снежная королева».

Зал встретил аплодисментами эту справку, разоблачающую нелепую, но — увы! — не единственную антисоветскую басню. Даже редактор «Политикен», который перед собранием уверял нас в строгой объективности своей газеты, несколько раз хлопнул в ладоши. Не хотел бы я быть в эту минуту на его месте!..

В Дании, начинающей задыхаться в железном обруче Атлантического пакта, сковывающего ее экономику, особенно большой интерес проявляется к развитию торговли с Востоком, к восстановлению традиционных экономических связей с нашей страной, плодотворно и к взаимной выгоде осуществлявшихся со времен Петра I. Об этом теперь говорят вслух не только прогрессивные люди. Об этом часто пишут орган торгово-финансовых кругов «Бёрсен» и другие газеты, которых уже никак не обвинишь в симпатиях к коммунизму.

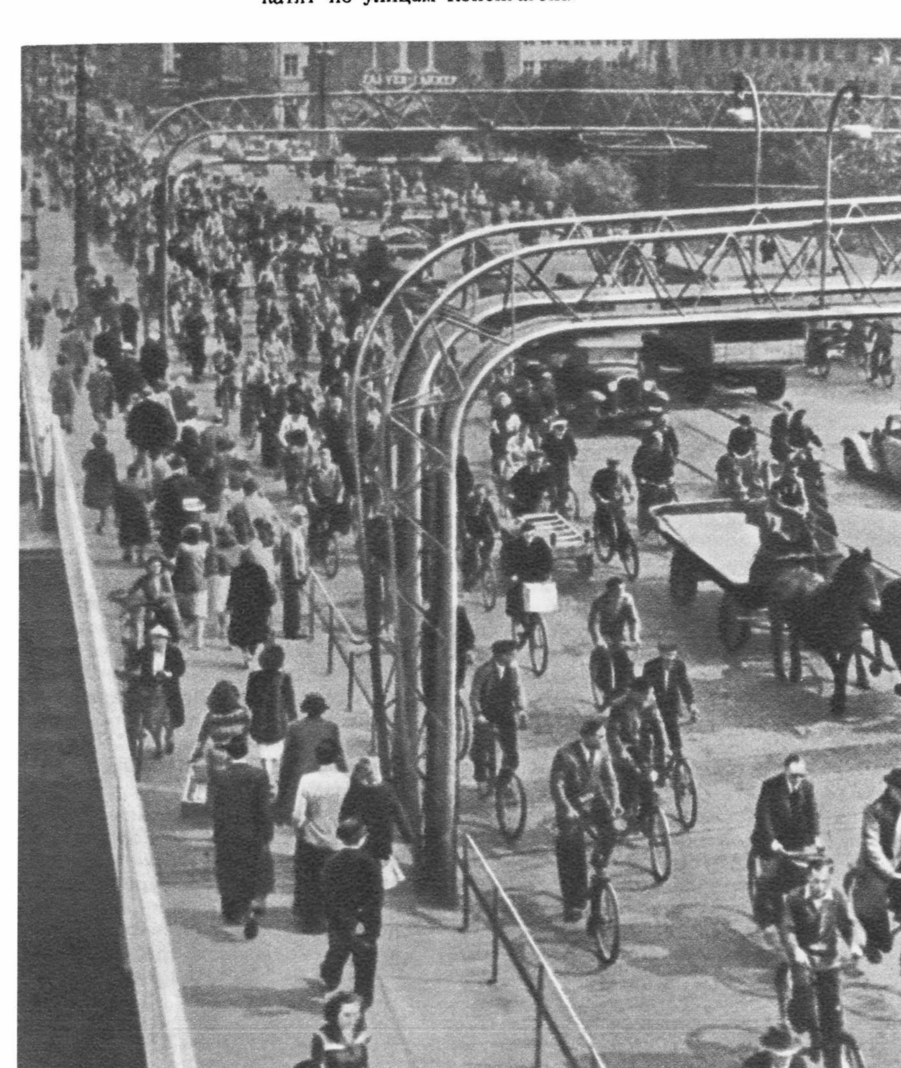
— Датский племянничек понял наконец, что заокеанский дядюшка совсем не бескорыстно запрещает ему смотреть на Восток,— сказал нам на пресс-конференции один видный журналист.

Многие датчане, в том числе так называемые деловые люди — промышленники и экспортеры, пришедшие на беседу с нами,— одобрительно встречали наши слова о возможности мирного сосуществования двух систем, о желании Советского Союза торговать и укреплять экономические связи с любым государством, в том числе и с Данией, на взаимно выгодных условиях.

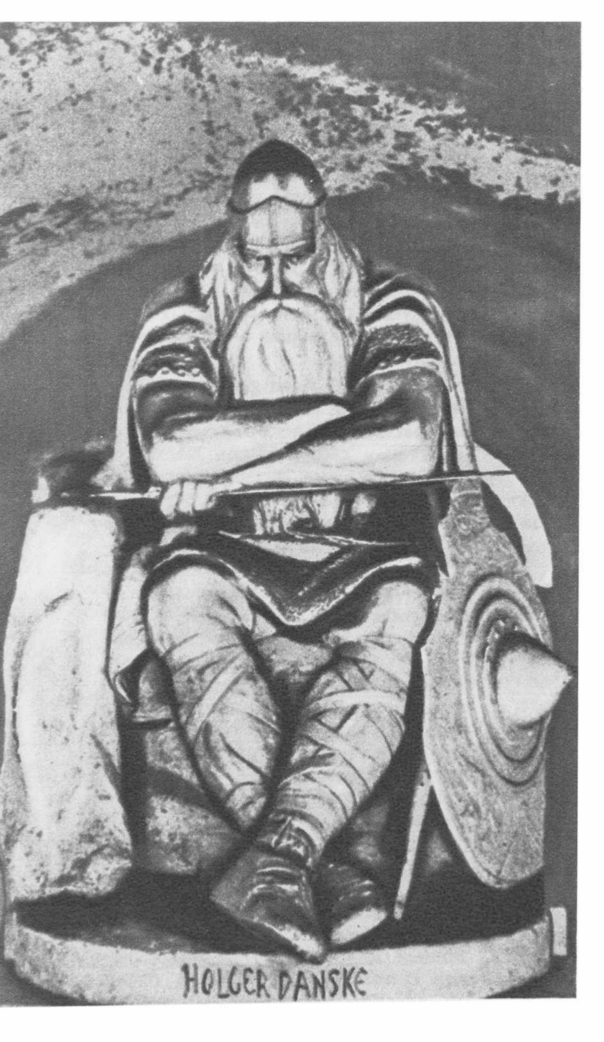
Да, свежий ветер подул над Данией!

3. Проснись, Хольгер Данске!

В воскресенье мы осматривали знаменитый замок Кронборг, связанный для всех культурных людей с легендой о Гамлете, принце датском. Впрочем, и сам по себе замок этот — один из хорошо сохранившихся памятников европейского средневековья — заслуживает внимания. Высоко вознесенный над морем, господствующий над окрестностью величием своих стен, башен, фортов, окутанный зеленью старых парков, он действительно очень хорош.

В часы пик целые потоки велосипедистов, подобно волнам прилива, катят по улицам Копенгагена.

Статуя Хольгера Данске в подземелье замка Кронборг.

Здесь Дания отделена от Швеции лишь узким проливом, и датчане на огромных паромах, часто вместе со своими верными велосипедами или с автомашинами, переправляются в Швецию, чтобы провести там воскресный день.

Вместе с группой датчан с интересом осматривали мы сосредоточенные в залах замка богатые коллекции датских картин и скульптур, образцы народного искусства. По каменным ступеням, истертым веками, поднимались на сторожевые башни, спускались в огромные подземелья, где некогда в дни осад размещались целые полки защитников крепости.

Вот здесь-то, в одном из серых подземелий, и произошла наша встреча со знаменитым древним богатырем Дании — Хольгером Данске.

Вслед за пожилым гидом, державшим в руках старую керосиновую лампу, мы углубились в подземелье, и вдруг вдали в сырой холодной мгле перед нами обозначилась могучая фигура богатыря в старинном одеянии датского воина. Отставив в сторону щит, опираясь руками на меч, положенный на подлокотники каменного трона, он спит крепким сном. Это славный герой датского эпоса Хольгер Данске. Он устал, гласит предание, сражаясь за свободу и независимость родины, и уснул, отдыхая от ратных трудов после разгрома вражеских армий. Но, когда Дании будет угрожать опасность, он проснется и снова встанет на защиту чести и свободы родной земли.

Скульптура очень хороша. Мы долго стояли молча, подчиняясь угрюмому очарованию спящего богатыря. Вместе с нами в таком же молчании стояла группа датчан. Они были празднично одеты, но густо загорелые лица и большие натруженные руки с грубыми ладонями изобличали в них грузчиков или рыбаков. В это время в подземный зал, где находится изваяние, вошла, громко разговаривая, новая группа туристов. Это были американский майор, несколько американских военных летчиков в своих серых костюмах и с ними громкоголосые девицы, у которых нарисованные губы занимали всю нижнюю часть лица, а невиданной длины ресницы были явно приклеены. Компания была сильно навеселе. Майор со снисходительным видом похлопал каменного богатыря по плечу и, не обращая внимания на протесты гидов, выстроил своих спутников — фотографироваться.

— Пора бы тебе проснуться, Хольгер Данске! — пробормотал один из рабочих-датчан, сверкнув глазами в сторону развязных иностранцев.

Эта сцена в подвале Кронборга произошла в тот день, когда по всей Дании на флагштоках развевались красные с белым крестом национальные флаги. День этот был объявлен праздником. Король подписал новую конституцию. Двадцатая ее статья вопреки всем национальным традициям предоставляет правительству право переуступать свой суверенитет так называемым международным властям, то есть, проще говоря, отдавать датскую землю под американские военные базы.

Невеселый это был праздник. И не только потому, что двенадцать процентов датчан проголосовали против этого попрания национального суверенитета, а сорок процентов избирателей, как здесь говорят, «проголосовали спиной», то есть не явились к избирательным урнам. Дело в том, что «атлантическая политика» давно уже непопулярна среди широких масс миролюбивого, гордого датского народа; датчанам органически претит вид солдат и офицеров в иноземной форме, хозяйничающих на улицах Копенгагена.

Правда, некоторая доля военного психоза была сюда импортирована из-за океана. Во время осмотра Национального музея наше внимание обратили на красные точки, которыми отмечены рамы некоторых картин и постаменты скульптур. Оказалось, что это те экспонаты, которые в случае воздушного налета следует уносить в бомбоубежище в первую очередь. Раз в неделю в 12 часов над Копенгагеном раздается пронзительный вой гудков и сирен. Учебная воздушная тревога!

Впрочем, благоразумные датчане давно уже не обращают внимания на эти отзвуки военной истерии. Заслышав сирены воздушной тревоги, они спокойно достают из карманов часы и проверяют время. По красным точкам посетители узнают экспонаты, имеющие бо́льшую историческую ценность и заслуживающие особо внимательного осмотра.

Беседуя со мной, один из датчан — учитель по специальности и консерватор по убеждениям, человек, который, знакомясь, поспешил предупредить, что он принципиальный противник коммунизма, — довольно образно охарактеризовал американские сообщения о «советской военной опасности», будто бы угрожающей скандинавским народам:

— Известная тактика жулика. Кричит: «Вор, вор, берегитесь!», — а сам тем временем лезет тебе в карман...

Для человека, с первого же слова объявляющего себя противником коммунизма, это прозвучало довольно сильно. Я спросил учителя, чем объяснить такое его раздражение против американцев.

— А тем, что если их пригласить к завтраку, они не только норовят слопать обед и ужин, но еще и нагадить в квартире хозяев.

И наш собеседник привел несколько потрясающих примеров того, как американские военнослужащие хамят на каждом шагу, оскорбляют национальные чувства датчан и совершенно не желают считаться с древней культурой и славными традициями датского народа.

В прошлом году всю европейскую печать облетели сообщения о таком случае. Американское судно под командованием американца датского происхождения капитана Карсона было застигнуто в море штормом и сильно повреждено. Американская команда покинула корабль и спаслась на шлюпках. На судне остался лишь капитан. Он один, не отходя от руля, несколько суток вел полуразбитое, едва державшееся на плаву судно и привел его в английский порт. Сотни корреспондентов, кинохроникеров, радиорепортеров встречали здесь Карсона. Он стал национальным героем, гордостью Дании. Но вот весной пришла пора конфирмации дочери этого отважного моряка. Капитан пригласил на семейное торжество старика-отца из Дании, но американские власти не дали отцу героя визы на въезд в Соединенные Штаты. И это в то время, когда границы Дании открыты для въезда американцев без виз.

Пожалуй, нигде в Западной Европе так не любят и не берегут исторических памятников, как в Дании. И в самом деле, чудесная андерсеновская русалочка, грустящая на камне, омываемом прибоем у городской набережной, великолепный монумент легендарной героини, которая пашет на быках море, чтобы создать новый остров — Зееланд, и другие памятники, красующиеся в Копенгагене, не могут не привлекать внимания своей художественной выразительностью.

И все помнят о том случае, когда в Данию прибыл из-за океана голливудский комик Дени Кэй, которому предстояло исполнять роль сказочника Андерсена в каком-то фильме. Гостеприимные датчане, ценящие всякое проявление внимания к их культуре, приняли гостя с распростертыми объятиями. Но на следующий же день сей комик днем, при почтенной публике, забрался на пьедестал памятника Гансу Христиану Андерсену и, не обращая внимания на свистки полицейских и улюлюканье мальчишек, позировал уличным фотографам, паясничал на коленях монумента. А через несколько дней тот же заокеанский недоросль, прибыв в домик Андерсена в Оденсе, в комнате сказочника, где датчане ходят в специальных войлочных туфлях, говорят шепотом, валялся в постели Андерсена, укрывался его одеялом, пил из его кружки и т. п. Даже те газеты, что славятся своим угодничеством перед Америкой, вынуждены были опубликовать возмущенные письма своих читателей.

Я уже писал в «Огоньке» о том, как в маленькой далекой Исландии, где нет ни одного солдата, дружное общественное мнение обуздало американских оккупантов. В Дании, стране значительно большей, обладателям долларов еще многое прощается. О том, до каких пределов простирается заокеанское хамство, можно судить хотя бы по такому — увы — тоже рядовому его проявлению. Недавно Европу осчастливил своим приездом Сэмюэль Голдуин, директор крупной голливудской фирмы. Датские туристские агентства поспешили пригласить богатого иностранца к себе. На это делец с непревзойденной наглостью заявил:

— Я, пожалуй, приеду к вам, но лишь в том случае, если меня пригласит ваш премьер-министр.

Такое поведение американцев, ведущих себя здесь, как в колонии, уже достаточно восстановило против них тех, в ком не угасли любовь к родине и дух национальной гордости. Голос датского народа, передовой датской общественности раздается все громче в защиту чести и суверенитета страны, за быстрейшее восстановление традиционных торговых связей с Советским Союзом и странами Восточной Европы, в защиту датского национального, освященного веками образа жизни от того «образа жизни», который импортируется из-за океана.

Все чаще и громче слышатся протесты против растлевающей голливудской пошлятины, против импортных комиксов, порнографических романов и иных проявлений заокеанской «культуры». Даже реакционные газеты, обычно придерживающиеся проамериканского курса, вынуждены писать, что под влиянием американского гангстерского чтива здесь, в стране, которая всегда гордилась своими детьми, быстро растет детская преступность; что растление малолетних в Копенгагене приняло характер массового явления и полиция печатает призывы к родителям не выпускать девочек одних на улицу; что в новый год в одной только столице в час традиционного новогоднего фейерверка оказалось больше ста человек, раненных какими-то юными датскими поклонниками «знаменитых» американских бандитов.

И даже недолго погостив в Дании, потолковав по душам с датчанами, я понял, почему тогда в подземелье Кронборга загорелый человек с большими мозолистыми руками пробормотал, обращаясь к спящему богатырю:

— Не пора ли проснуться, Хольгер Данске, не слишком ли ты крепко уснул, старина?

ПО АВТОДОРОГЕ МОСКВА—КРЫМ

Рисунки В. БОГАТКИНА

На окраине Москвы.

В подмосковной деревне.

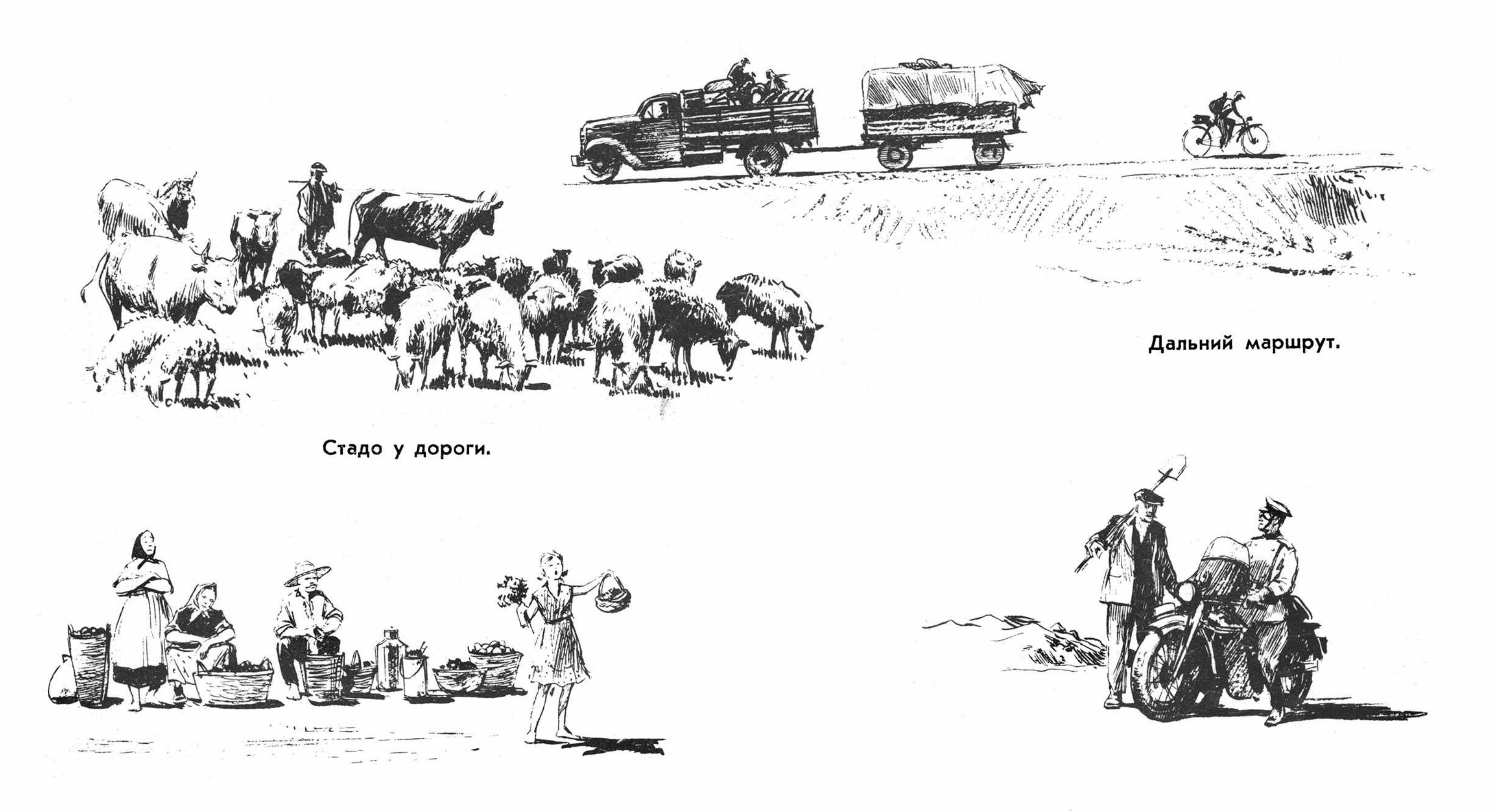
171-й километр.

Гостиница близ Мценска.

Происшествие в пути.

Стадо у дороги.

Дальний маршрут.

Ждут путешественников...

Дорожная инспекция.

На земле донецкой.

Дорога в горах.

У самого моря.

ЧАРГАЙ

Восточная поэма

Дереник ДЕМИРЧАН

Рисунки П. Пинкисевича.

Караван — это ритм пустыни. Это — волнообразное движение горбатых верблюжьих спин. Это челны с кладью, колыхающиеся в песках пустыни.

Путники уже давно устали, нет, не устали — отупели, одурманились пустыней.

Впереди каравана величаво шествует нар — одногорбый верблюд-предводитель. Он выступает горделиво, торжественно, покачивается вверх и вниз. На нем — молоденькая красивая Нингил.

Следом идет — верблюд за верблюдом — целая горная цепь.

На верблюдах бусы из бубенцов и колокольчиков; они глухо позвякивают, напевают: «Дзинь-дон...»

Колокольчики перекликаются, шлют весточку друг другу. Они укачивают, убаюкивают путников.

Впереди — Нингил. Ее нар-предводитель, как морская волна, рвется вперед и вперед. Следом идет верблюд, на спине которого Ибрагим-хан, погруженный в дремоту.

Далее, покачиваясь, плывут грузы — многочисленные вьюки с цветными коврами и благовонными товарами.

За ними — верблюд с Али Низамом. Это управляющий делами Ибрагим-хана — нечто черное, прокопченное зноем, похожее на обезьяну.

В такт ему покачивается Гусейн — керманшахский купец с черноянтарной курчавой бородой.

Затем следует старец Бурхан — писарь, он же философ. У него борода торчком, она выкрашена в огненно-рыжий цвет. Похоже на то, что голова писаря трется о край небосвода.

Движения писаря в точности повторяет шведский лингвист, специалист по Ирану.

Позади этих путников — опять грузы, опять люди, опять ковры, бубенцы и колокольчики: «Дзинь-дон...»

Смыкаются глаза Ибрагим-хана. Нет, не глаза у него, а слезящиеся зенки одряхлевшей кошки. Такие глаза надо лечить у врачей. Вот как раз поэтому Ибрагим-хан и побывал в Тегеране. И, кстати, он хотел там полюбоваться на казнь трех бунтовщиков, которые сожгли его амбары.

Бунтовщики были повешены. Это зрелище, говорят, немного развеселило старика; он ожил и по-ребячески смеялся. И после того несколько дней оставался добрым. Но потом опять его стали душить заботы. Еще бы, большое богатство, бешеное изобилие товаров, бессчетное количество ковров, от одного яркого и ядовитого цвета которых можно повредить глаза! А тут еще пшеница, отобранная у крестьян, гниет в его амбарах...

Идут, колыхаясь, верблюды: «Дзинь-дон...»

С горба на горб перепархивают негромкие слова. Говорит управляющий Али Низам, а собеседника его не слышно. Он говорит:

— Кто такая Нингил? Это крестьянская дочь. Отец не хотел отдавать ее Ибрагим-хану, но тот вырвал ее взамен долга. Он, кажется, везет ее для сына. А, впрочем, кто его знает... Да, она много пролила слез, но слезы остались в пути. Она вроде цветочка: на заре прослезится, на закате засмеется... В кинематографе? Да, был. Нет, не интересно. Но зато встретил в Тегеране Фати-хану... Она живет на Лалезаре. У нее девочка двенадцати лет... Это славная штучка...

Али Низам хихикает, но потом вздыхает. Говорит:

Там, где появится Любовь-султан;
Там делать нечего благонравию...

Путники прислушиваются к стихам.

Колокольчики перекликаются: «Дзинь-дон...»

Снова куда-то летят слова Али Низама:

— Всех трех бунтовщиков повесили. Нет, по-моему, не интересно было, но Ибрагим-хан непременно пожелал посмотреть... Кто был на обеде? Французский торговый агент, затем его превосходительство и хан Мансур... Фазаны? Нет, представьте себе, фазаны оказались не жирными. Но повар как-то ухитрился... Его превосходительству главным образом понравился портвейн... Да, вообще нам очень повезло. Покушение на него было серьезное. Одному из этих бунтовщиков саблей отхватили руку... Нет, добежать до врача он не сумел. Выбрался на площадь и там упал. Другой скрывается у бахтиаров. Но одного его дружка уже подкупили... Как?.. Да, я советовал Ибрагим-хану вернуться домой на автомобиле, но он предпочел верблюда. Мамаша его не любит видеть перед своим домом эту «дьявольскую» машину. Он, конечно, считается с матерью... Да, да, он очень благочестив, это святой жизни человек. Ну, а кроме того для машины дорога неровная, точно такая же, как была при отцах и дедах... Конечно, на верблюдах проще: полегоньку, не спеша...

На западе затрепетал багровый язычок дня. И вот день угас.

Кривогорбые, медного цвета верблюды шествуют медленно, как века. Вызванивают печальные песни, древние, как они сами.

«Дзинь»,— бросает колокольчик колокольчику.

«Дон»,— возвращает колокольчику колокольчик.

Журчат ручейки бубенцов. Переливается в воздухе их негромкое журчанье.

Дорога думает свою думу.

Дорога — это узкая река, полная горя. Она впадает в города и села и повсюду вбирает в себя тоску и думы. Все шире и шире она становится и течет, растекается по всему свету. Тут этой пустынной дорогой в свое время проходили завоеватели, а потом они исчезли, развеялись, как опавшие листья в далеких далях. Тут проходили многие караваны, неся в своих вьюках зерно, розовую воду, хурму, шелк, яд, любовные приветы и плотно запакованные конверты смертные приговоры.

Вот как раз об этих делах задумывается бродяга Риза. Он семенит пешком возле верблюда Нингил. Риза взлохмачен, пропылен. Песок и мелкие камешки грызут толстокожие пальцы его ног. Чувяки его растрепаны, как морская пена.

Риза бурчит, поглядывая на Нингил:

— Жаль ее! Кинули девочку в пасть такой собаке...

Начальник каравана, идущий рядом, хмурится, бормочет:

— Это уж не твоя печаль.

Риза — бродяга, босяк, с сумой на боку. Он был рабочим в Англо-Иранской компании, потом грузчиком в Бендер Бушире, батраком в Гилане. Но больше всего он странствовал, бродяжничал. И вот теперь идет с караваном. Куда? Это знает его судьба — либо к светлому

дню либо к виселице. Риза совсем не одинок. Таких, как он, тысячи. Они бродят по всему Ирану. Рассказывают сказки в караван-сараях. Они не придумывают эти сказки, а берут их из жизни крестьян или же из собственных похождений. Богатые люди равнодушны к таким побасенкам, а бедняки и нищие охотно прислушиваются к ним. В этих сказках странников полыхают золотые пожары зернохранилищ, багровеет кровь и струятся слезы. В этих сказках опасность и для тех, кто их рассказывает, и для тех, кто слушает их.

Начальник каравана — мрачный человек, бывалый, помятый жизнью. Он побаивается Ризы, однако не презирает его.

Риза немного отстал. Он поровнялся теперь с верблюдом Ибрагим-хана. Исподлобья, зло поглядывает на седока. Хан иссох, лицо у него, как сморщенное дикое яблоко-паданец. Риза идет бок о бок. Тюбетейка на затылке. Руки заложил за спину. Огромный крестьянский лоб его поблескивает. Со лба обильно стекают капли пота, обжигающие, соленые.

Но вот он закрыл глаза. Там, в его глазах, мелькнуло какое-то видение. Не видение, нет, это пригрезилась Ризе его дочурка — высохшая девочка лимонного цвета. Она осталась на хлопковом поле, на работе у помещика. Ей всего десять лет, но она, как скелет. Лихорадка высосала из нее все соки. Девочка состарилась, не став еще девушкой. Улыбка смерти уже проникла в ее глаза, в которых осталась еще тоска по жизни.

Вот именно такой Риза увидел ее в последний раз, когда подошел к хлопковому полю. Какой-то человек, дробивший камень на шоссе, незаметно поманил его. Риза подошел, чтобы прикурить, а тот негромко сказал ему:

— Гиланцы в тюрьме... «Сказка» повешен... «Фитиль» бежал... Давай удирай и ты...

Риза в последний раз взглянул на свою дочурку, отвернулся и побрел домой.

Дома лежала жена, больная, при смерти. Она негромко стонала, не прося помощи. Уже месяц она не выходила в поле. Осталась без заработка. Приходилось умирать. Но смерть медлила на ее беду.

Риза зашел в курятник, где не было ни одной птицы. Там он вытащил из трещины в стене нож, смазанный маслом. Спрятал его в сумку. Потом наскреб черного табаку, горького, как его жизнь. Взглянул на пустое корыто из-под хлеба. Задумался. Снова вернулся в дом, чтобы посмотреть на жену. Хотел было сказать ей что-нибудь на прощанье, но не нашел ни одного слова: слишком много нужно было сказать. Снова вышел во двор. Яростно плюнул — на весь мир, ни разу не подаривший ему ни одного цветка радости. Пошел из дома.

Уже спустился вечер. Батраки помещика возвращались домой. Риза задержался у ручья — помыть ноги.

Солнце зашло. Земля покрылась ржавчиной. Потом вокруг все почернело. И тогда Риза торопливо вошел в эту черноту наступающей ночи. Он пошел по шоссе. Пошел в далекое странствие, полное злоключений.

Он шел по шоссе и мысленно повторял про себя слова, сказанные ему каменщиком:

«Гиланцы в тюрьме... «Сказка» повешен... «Фитиль» бежал...»

Клубок жизни разматывался. Следующий — он. Потом другие, которые сейчас скитаются по селам и городам. Скитаются истерзанные, но неутомимые. И горькие, как яд на стенках табачной трубки.

Идет, идет Риза, взвалив на спину свою жизнь. Идет, чтоб пролить свою кровь. А ведь кровь — это не просто жидкость...

Задумавшись, идет Риза вместе с караваном.

«Дзинь-дон...» — звенят колокольчики. И от этого звона Риза пробуждается.

Плавно колышется Нингил на спине верблюда, овеянного темной печалью. И Риза снова семенит рядом, одолевая свой тернистый путь.

Сердце Ризы почему-то сжимается, когда он поглядывает на Нингил. Почему? Она похожа на яркий, веселый огонь. Это привлекает взор.

Она очень красива. Она, как стрела из натянутого лука, порывается в синь горизонта. Она слита с верблюдом, и это их единое движение торжественно, как поэма, как музыка каравана.

Нингил улыбается Ризе. Но верблюд-предводитель косо и зло посматривает на него.

Верблюд пышно украшен. Украшения на нем кажутся лишними, ненужными: под ними слишком чувствуется негодование животного. Вряд ли верблюда радует его дивная ноша — Нингил. Вряд ли доставляют ему удовольствие все эти украшения — золотые бубенцы и шелковые кисти. Он так безразличен к этому цветистому убору, надетому на него...

Верблюд горд, он редко кого удостаивает взглядом. Он шествует, как время, которое не смотрит ни на кого, позволяя всем смотреть на себя.

Вот верблюд вскинул голову, повернул ее налево, потом направо и уставился вдаль, как гордый пророк, собирающийся произнести миру проклятие. Ненависть, ненависть брызжет из его глаз. Он идет недовольный и стонет едва слышно. Почему он стонет? От тяжести ноши? От зноя? Или он голоден? Устал? Неизвестно. Вот он издает свой трубный звук — древний, тысячелетний звук — клокочущий, ненавидящий.

В этом звуке, однако, есть еще и другое — бездонная, неизмеримая скорбь.

Эту свою мучительную скорбь верблюд больше ничем не умеет выразить.

Шведский лингвист внимательно разглядывает верблюда. В самом деле, нельзя ли какнибудь разобраться в его «психологии», понять это удивительное животное?

Лингвист спрашивает писаря-философа, у которого огненно-рыжая борода торчком:

— Скажи, мирза, почему верблюд так грустен?

Но Огненная борода не слышит вопроса. Он о чем-то задумался, о чем-то грезит, томясь. Даже сузил свои мглистые глазки.

Вместо него лингвисту отвечает керманшахский купец Гусейн:

— А чем еще заниматься верблюду? Грустить и таскать на себе грузы — вот его дело.

Верблюды идут, колыхаясь. Позванивает нар-предводитель. Нингил плавно покачивается на его спине.

Шведский лингвист вновь обращается к писарю, указав глазами на Нингил:

— Вот если бы верблюд знал, какую драгоценную ношу он несет на себе!

Усмехнувшись, Огненная борода философски отвечает:

На черном туловище ночи
Розоволикая зорька, смеясь, плывет.
А ночь грустна и темна —
Такова наша жизнь, мой друг...

Лингвист улыбается, задумчиво бормочет про себя: «Такова наша жизнь, мой друг».

Огненная борода продолжает:

Кто знал бы веселье зари,
Если б не было грусти ночной?
Такова наша жизнь, мой друг...

Швед торопливо спросил:

— Значит, жизнь радует нас только после мучений? Но ведь это парадокс, мирза!

Снова усмехнувшись, мирза отвечает стихами:

Кто знает, почему
Жизнь смеется в своей печали?
И почему даже в радости
Мучает себя?

«Дзинь-дон...» — звенит караван...
Мирза продолжает изрекать:

Тот, кто создал цветок огневой,—
Уже напоил его ядом.
Все красивое — ядовито.
В этом суть любой красоты.
За смехом нередко таятся слезы,
Сквозь слезы улыбается солнце.
И то и другое прочно перемешано,—
Тем и прекрасна жизнь...

Звенит караван: «Дзинь-дон...»

Но что это? Пустыня вдруг оглашается яростной песнью. Ах, это Риза ушел далеко вперед и там на дороге громко и раскатисто запел.

Путники слушают его песню.

Эта песня — «Чаргай». Боевая песня атакующих. Вот почему она так угрожающе рвется вперед. В ней ропот и гнев. В ней удары и неистовство. В ней ярость и призыв к бою.

Под эту песню иначе движется караван. Иначе звучат бубенцы и колокольчики: «Дзиньдон...» Совсем иначе покачиваются верблюды.

Свою яростную песню Риза закончил речитативом, насмешливо. Потом гневно проворчал что-то, сплюнул. Постоял на дороге и вновь, поровнявшись с караваном, едва слышно пробормотал:

— Гиланцы в тюрьме, «Сказка» повешен... «Фитиль» бежал... Ай, Нингил...

И тут Риза, сверкнув глазами, взглянул на Нингил.

Управляющий делами хана Али Низам с беспокойством спросил Ризу:

— Ты что там пел, старина?

— Да вот есть такая песня...

— Знаю. Ее поют воры и разбойники.

— Может быть. Но эта песня «дорожная». Идешь, идешь, а дорога не укорачивается. Споешь эту песню — и видишь, укоротилась дорога.

Нагло усмехнувшись, Али Низам спросил:

— А зачем тебе нужно, чтобы дорога укоротилась? Знай шагай за караваном.

— Ты на верблюде,— не поймешь мое желание. Сойди вниз,— уразумеешь, зачем надо укоротить дорогу.

— А что там внизу?

— Ничего особенного. Там изнашиваются чувяки, чулки и кожа на ногах.

— Говоришь, кожа изнашивается? Экая беда! Новая нарастет.

— Там, внизу, душа изнашивается. А душа не имеет кожи.

— Пусть душа изнашивается. На что она тебе?

Ядовито хихикает Али Низам. Весело и громко хохочет керманшахский купец Гусейн.

Бубенцы и колокольчики продолжают свою музыку: «Дзинь-дон...»

* * *

— Эй, там, довольно!.. Привал!

Это сказал Ибрагим-хан. Ему хочется отдохнуть. Он жаждет выкушать чашечку кофе. Он хотел бы немного подремать в ночной прохладе пустыни.

Начальник каравана схватил поводок переднего нара и повис на нем. Верблюды, качаясь, как волны, остановились один за другим. Прервалась музыка бубенцов и колокольчиков. Только лишь одинокие звоны падают каплями в зыбучий песок.

Привал.

Верблюды, глухо ропща, опустились на колени.

Путники сошли на песок, осовелые от усталости.

Люди вышли на дорогу. Разостлали на песке пестрые ковры. Раскинули палатку для Ибрагим-хана.

Нингил соскользнула с нара. Вошла в ханскую палатку. И там сразу утонула в цветнике ковров.

Запылали костры. Вокруг костров уселись купцы. С ними управляющий Али Низам, писарь Огненная борода и шведский лингвист.

Несколько в стороне расположились поводыри и прочие путники.

После первых минут суеты настала тишина.

Пустыня безмолвствует. Только слышится тихий треск костров. И размеренно постукивают четки: «Чак-чук...»

Один из верблюдов долго не мог успокоиться. Его хлестали веревкой, чтобы он опустился на колени, но он упрямился, не уступал и ревел.

Прислушиваясь к его реву, шведский лингвист сказал:

— В этом реве, господа, я слышу нотки протеста. Это, несомненно, ропот — вот как нам надо расшифровать этот рев.

Керманшахский купец Гусейн, прислонившись к своим вьюкам, не спеша произнес:

— Это не ропот. Верблюд издает такой же рев во всех случаях своей жизни: и с грузом, и без груза, и даже когда сыт...— Затянувшись трубкой и выдохнув дым, купец Гусейн добавил:— Верблюд ревет просто так, бессмысленно. Он сам не знает, о чем он кричит. Он же не слышит своего голоса.

— Да, но он что-то требует,— заметил лингвист.

Один из купцов неторопливо сказал, перебирая свои четки:

— Он издавна требует, но что,— неизвестно. Он тысячи лет ходит в караванах. Порой уже кажется, что знаешь, каков он. Но нет, никто не может понять его. Это — непостижимое животное...

Выстукивают четки: «Чак-чук...»

— Это — животное молчаливое, безропотное. Ведь этот рев не из нутра у него. Дни, недели, месяцы проводит он в пути, на ногах. Не требует ни пищи, ни воды, ни отдыха. Молчалив, невзыскателен. Никогда не выкажет, что у него на душе... Вот посмотрите: как будто бы спит этот верблюд. Вряд ли он спит. Он всхрапнет на минуту — вот и весь его сон. Даже в своей смерти верблюд удивителен. Он встанет на колени, голову положит на песок, застонет — и конец, нет верблюда...

Лингвист с интересом слушает эти слова о верблюде. Задает неторопливый вопрос:

— Вероятно, верблюд очень горд, спесив?

— Кто ж его знает!

Швед обращается к Огненной бороде:

— Ну, а что ты скажешь, мирза? Разве ты не слышишь скорбь в реве верблюда?

У писаря-философа длинные четки, как вереница его мыслей. Перебирая свои четки, мирза негромко отвечает:

— Темна скорбь верблюда, и поэтому нельзя разобраться в ней. Он чем-то обижен, поранен судьбой. Но когда и чем, он не помнит...

Обрываются мысли мирзы. Только его четки попрежнему: «Чак-чук...»

Лингвист задумался, а потом сделал заключение:

— Все же во всем облике верблюда есть печать какой-то величавой грусти.

— Это — величие пустыни,— пробормотал мирза.

Тихая прохлада колышет золотистые локоны костра. Тени пляшут над пустыней, а вверху радужный бархат звезд.

— Верблюд — глупое животное! — неожиданно резко сказал управляющий Али Низам.

Собеседники очнулись, посмотрели на управляющего.

Кто-то переспросил:

— Глупое?

— Да, глупое,— повторил Али Низам.— Тысячи лет из поколения в поколение работает верблюд, но с работой не свыкается и никак не может поладить со своим делом. Таскать грузы — вот дело верблюда, но он, заметьте, всегда ворчит и всегда огрызается, даже когда с него снимают груз. У него лишь одна забота — напихать в свое таинственное брюхо как можно больше запасов. Вот тогда он отправляется в путь. Ни ласка, ни уход не действуют на него. Он не привязан к своему хозяину и даже не чувствует, кто сидит на его спине — хозяин или чужой. Сам он не сбросит тебя — настолько он не умен, не находчив. Но вот если ты свалишься с него, он не остановится, не оглянется даже, а пойдет куда глаза глядят. Пойдет, все равно к кому, к первому, кого встретит... Но обратите внимание вот на что: когда сидишь на нем, он нет, нет, да и повернет свою мерзкую голову, чтобы укусить тебя за ногу. И тут всякий раз надо сильно бить его по башке, чтобы он отвел свои зубы...

Али Низам прервал свою сердитую речь. Кто-то из купцов негромко сказал:

— Все же, слава аллаху, верблюд — выносливый работник, покорная тварь.

Али Низам ухмыльнулся улыбкой гиены.

— Покорная? — переспросил он.— Глупая — согласен, но покорная — нет.

Снова тихо. Пустыня думает.

Постукивают четки: «Чак-чук...»

Огненная борода, запрокинув голову, произносит:

Он жизнь несет на себе,
И он сам — тоже жизнь.
Пустыня без него
Все превратила бы в прах.

— Да, да, странное животное,— снова сказал лингвист.

Кто-то из купцов добавил:

— Похож на человека, своенравный, с капризами.

— Нечто вроде батрака,— с отвращением промычал Али Низам.

Кто-то зашевелился у соседнего костра. Кто-то встал на ноги. Это встал Риза возле своего костра. Он с горькой иронией сказал купцам:

Дороги

Александр ПРОКОФЬЕВ

РАЗЛИВ

Ольха с березой. Вновь ольха с березой,
Осинки никнут, ветви наклонив,
Да лютики, сбегающие к плесу,
Да кое-где полянки.
Вот — Разлив!

Но здесь был Ленин!
Сразу с той минуты,
Как стал на эту землю он...
Тогда
Стена берез, поднявшаяся круто,
Закрыла тропы, что вели сюда!

И не было сюда ищейкам хода
Ни вброд, ни вплавь, ни тропкой где-нибудь!
И лишь любовь к вождю
его народа
И сталинская дружба знали путь,

Который позже вел нас через горы,
Пролег через сердца, таил громá,
Великий путь, единственный, которым
Ходила Революция сама!

ПРОСПЕКТ СТАЛИНА В ЛЕНИНГРАДЕ

Таким предстал он взору моему:
Стремительный, широкий, словно площадь,
Где молодые яблони не рощей,
А рощами сбегаются к нему.

Они еще двухлетки и трехлетки,
Взрасти их, ленинградская земля,
Ведь яблонь этих трепетные ветки
Шумят, где были минные поля!

Другой им путь проложен и разведан,
На нем стальная вьюга не метет.
Недалеко Московский парк Победы,
Он перед ними отроком цветет.

А наш проспект как бы в зеленой раме,
По всем газонам раскидав цветы,
Летит вперед.
Орлиными крылами
Он Пулковской коснулся высоты,
Что поднялась зеленою грядою,
Где билось поколение мое,
И где лишь яблонь племя молодое
Сегодня наступает на нее!

И с высоты извечной и красивой
Мы видели, наверно, не одни,
Как гасло солнце над «Электросилой»
И на проспекте вспыхнули огни.

Воистину то было море света,
И в нем весна летела и цвела,
А радость, что сверкает в строчке этой,
Уже, друзья, в душе моей жила!

Таким предстал он вешнею порою
Во всей своей немеркнущей красе,
И песнь моя о городе-герое
Выходит на Московское шоссе!

ПЕСЕНКА

За реку хожу по двум причинам:
Где глядятся в воду три окна,
Там живет любовь моя, кручина.
Первая причина всем видна.

А вторая — ты, мое Заречье,
С лютиком родным среди лугов,
С тихою, замедленною речью
Над рекой склоненных тростников;

С милою черемухой в лощинах,
Вишней на высоком берегу,
С той моею легкою кручиной,
Что навеки в сердце сберегу!

— Равняете верблюда с батраком? Ну, что ж, в этом обиды нет. А кое в чем, быть может, и не ошибетесь.

Голос его прозвучал глухо, как за стеной тюрьмы.

Затем Риза чиркнул спичку, чтобы закурить. Свет спички залил его скуластое и дерзкое лицо.

Купцы переглянулись, но ничего не ответили. И снова стали беседовать о верблюдах. Кто-то из купцов сказал:

— Терпеливое животное — верблюд. Вот поэтому надо остерегаться его.

— А что он может сделать?

— Он может плюнуть в лицо. А в его слюне яд.

— Вздор! — сказал Али Низам.— В его слюне нет яду, а так, одна гадость...

Повернувшись к одному из верблюдов и показав на него пальцем, Али Низам добавил:

— Вот полюбуйтесь на этого нара. Я его так избил, что мои руки уже два дня болят.

— А за что вы его избили?

— Навьючил кладь на него. Кладь Ибрагим-хана. А он, как вкопанный, не встает с места... Да, это сродни батраку. Такого нельзя не стукнуть по башке.

И тут Али Низам бросил злобный взгляд на Ризу.

Риза сидел возле своего костра, курил. Гибкий, вихляющийся дымок выплывал из его рта и, вытягиваясь вверх, таял.

Неожиданно Риза сказал негромко, задумчиво, как бы про себя:

— Вы, конечно, помните последний засушливый год. Тогда многие разбогатели. А Ибрагим-хан сгноил тогда в своих ямах две тысячи халваров пшеницы. Что-то поразительное творилось в его амбарах! Ему не хватало хранилищ для зерна. А кругом народ помирал, словно мухи...

Риза помолчал. Управляющий Али Низам, снова злобно взглянув на Ризу, спросил его:

— А-а, ты, кажется, сказочник?

— Приходилось иногда рассказывать сказки.

— А про огненные сказки ты слыхал?

— Это что за сказки?.. Нет, не знаю таких.

Дробно засмеявшись, Али Низам сказал:

— В Тегеране узнаешь об этих сказках.

Али Низам снова засмеялся и подмигнул купцам. Те тоже засмеялись. Шведский лингвист переспросил управляющего:

— Вы говорите, огненные сказки? Что за штука?

Управляющий ответил ядовитым тоном:

— Эти огненные сказки как раз и начинаются с зернохранилищ, а кончаются в петле намыленной веревки. Немало сейчас разбойников шляется по Ирану. Они подсаживаются к крестьянам возле ханских амбаров и заводят свои сказки. А из этих сказок вырывается огонь и сжигает амбары. Эти сказочники...— Али Низам, поперхнувшись, выкрикнул:— Это гады!.. Это...

И тут несколько непотребных слов повисли в тихом воздухе пустыни.

Риза промолчал. Пустыня безмолвствовала. Только лишь тихо постукивали четки: «Чак-чук...»

* * *

Караван спит.

Темно в пустыне. Тени рассказанных сказок разбрелись во тьме. Непостижимая верблюжья грусть разлита вокруг.

Темно. Пустыня, как огромный верблюд, опустилась на колени и своими черными, унылыми горбами подпирает небо.

Ночь кружит свою прялку. Прялка чуть слышно шуршит.

Желтоликая луна поглядывает на землю, как из далекой гробницы.

Над линией горизонта на фоне неба четко вырисовывается силуэт одногорбого верблюда. Он почему-то не захотел опуститься, чтобы вздремнуть. Он высится, точно идол. И кажется, что он прислушивается к ходу ночных часов, к шествию времени.

Управляющий Али Низам встал и побрел к большой ковровой палатке, где спали Ибрагим-хан и Нингил. Он осторожно подошел к входу в палатку. Взглянул на слугу хана, огромного Махмеда, который распластался у входа, как волкодав.

Али Низам постоял возле палатки, прислушался: не бодрствует ли хан? Видимо, нет. Но тут же ему почудилось, что в палатке вместе с дыханием он слышит какой-то шепот. Али Низам почувствовал безудержное любопытство и одновременно ревность, сладостную и мучительную. Снова прислушался.

Но в кротком лунном сиянии таяли и гасли все звуки.

Управляющий опустился на песок. Ему вдруг вспомнилось одно недавнее тегеранское пиршество в обществе молодой женщины. Вспомнилось вдруг ее знойное тело...

Какие-то чудовищные клещи стиснули затылок Али Низама. Это были зубы верблюда. Али Низам издал отчаянный вопль и... покинул пустыню. Вернее, небо завертелось вокруг, звезды оказались под ногами, а земля в вышине.

Щуплое, обезьянье тело Али Низама свернулось клубком, дернулось раз — другой и повисло в воздухе.

Сильным рывком верблюд потряс омертвевшее тело и положил его на песок. И тотчас зловеще застыл в прежней позе.

Караван проснулся. Вдруг повскакали люди. Поводыри и слуги хана накинулись на верблюда. Но верблюд без страха уставился на них. И даже не шевельнулся, когда на него обрушились первые дубинки.

Начальник каравана повис на шее нара и, защищая его, начал в бешенстве проклинать ханских слуг.

Между ним и слугами завязалась неравная борьба. Начальник каравана выл и рычал, как зверь, принимая удары, которые сыпались на него и на верблюда.

Испуганная Нингил выбежала из палатки и не могла понять, почему избивают нара.

Примчался главный слуга Ибрагим-хана Махмед. Щеки у этого волкодава дергались, и вид у него был ужасен. В руке он держал топор.

Начальника каравана тотчас оттеснили от верблюда.

Махмед, переваливаясь, как горилла, выбежал вперед и острием топора с размаху ударил верблюда по лбу.

Верблюд беззвучно присел.

Взмахивая топором, Махмед стал наносить удары верблюду с какой-то нечеловеческой злобой и неистовой жадностью.

Верблюд не издал ни одного звука. Он лежал на песке уже бездыханный. Но это, казалось, еще больше взбесило Махмеда. Он остервенело рубил топором. И с каждым его ударом все страшней и страшней становился мертвый нар.

Всем стало ясно: верблюд не был побежден. В своем беспримерном противоборстве он остался безмолвным, грустным и страшным. Казалось, что лютая ненависть застыла во всем облике изрубленного верблюда.

Искрошились бубенцы нара. Обезголосели колокольчики. Все звуки песни рассыпались по песку пустыни.

Изуродованный и неподвижный, верблюд раскинулся на земле, источая влажный запах, смешанный с запахом намокшего песка.

Труп Али Низама запеленали в саван. И теперь управляющий стал похож на мумию.

Махмед, проклиная верблюда, яростно шипел:

— Это скотина... Поганая молчаливая скотина!

Кто-то из купцов сказал:

— Скрывал от людей свое намерение. Таился. Не дал никому понять, что у него на душе. И вот дождался наконец.

Послышался тревожный голос лингвиста:

— Но как это произошло, господа? Что именно послужило причиной?

Кто-то негромко ответил лингвисту:

— Это была месть. Верблюд отомстил.

Эти слова, оказывается, произнес Риза.

...Караван двинулся дальше. Позади каравана на песке, как черный бугор, остался убитый верблюд.

Перевел с армянского
М. ЗОЩЕНКО.

ОДИН

Рассказ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Рисунок В. Высоцкого.

Море шелестит внизу. Шум накатывается на прибрежную гальку, словно ветер пробегает по листве. И качается на воде ворох блесток от молодого месяца, а он косится на них с веселым недоумением: просыпал и не знает, как собрать.

В двух шагах от берега поднимается гора, и по ней вьется тропка, оставленная рыбаками, сокращавшими когда-то путь от причалов домой. Теперь построили новый рыбный цех и новые причалы и проложили туда другую дорогу, а тропинка стала зарастать травой.

Из горы, как клюв, выглядывает камень. Рыбаки всегда присаживались отдохнуть на нем и посмотреть на море.

Сейчас на камне сидят Андрей и Тоня. Все сейнеры уже давно причалили, и на море лишь мерцает белый глаз буйка да вспыхивает в такт приливам волн красный маяк за бухтой. И весело качаются блестки от молодого месяца, похожие на тысячи крохотных лодочек, которые никак не могут расплыться.

— Холодно? — спрашивает Андрей ломким, вздрагивающим голосом и накидывает на плечи Тони свой пиджак, а она чувствует тяжесть его руки, хотя рука эта пока еще скованная и робкая.

— Нет, совсем не холодно, Андрюша,— мягко отвечает Тоня, но не отстраняет, а поправляет на себе его пиджак.

И смотрит на Андрея, на море и снова на Андрея.

Сейчас Андрею кажется смешным и обидным, что Тоня долго не замечала его.

Много раз он заговаривал с ней, когда она взвешивала на больших бункерных весах камсу с их сейнера, когда возвращалась домой с подругами, а он шел сзади или когда, расстелив невод на поляне, среди посолочных ванн, бригада чинила его перед выходом в море.

И всегда Тоня не замечала Андрея. И он отчаивался и ожесточался. А бывало, она бросала словечко, над которым смеялись подруги, а если он звал ее на вечорки, отговаривалась: то занята в танцевальном кружке, то на лекциях, которые надумал читать молодым рабочим инженер рыбного цеха.

И вот он с Тоней. Он с Тоней, вдвоем, на берегу моря...

Как же ему в конце концов повезло в жизни!

Совсем недавно, на другой день после того, как Тоня впервые отстала от подруг и прошла с ним до края улицы, а потом до этой старой тропы, председатель колхоза Карпов сказал Андрею о его назначении бригадиром на «Ястреб». В своей удачливости на море он не сомневался, потому что три года плавал с Афанасием Бурей. Про Бурю говорили, что он каждого встречного хочет сделать рыбаком, но это не совсем так. Он отличал тех, кто вместе с ним загорался каждый раз, когда настигали рыбу.

Это Буря предложил сделать Андрея бригадиром. Буря поручился за него, и Андрей с первых же дней путины доказал, что не зря...

Ветер дует свежий-свежий, но не холодный, дует навстречу косякам, и Андрей, между прочим, замечает про себя, что течение придержит и собьет рыбу за Желтым рогом и завтра он поймает больше, чем сегодня. Он напал на крупный косяк за Желтым рогом.

А ведь похоже, его «Ястреб» выйдет на первое место, очень похоже. Конечно, это потому, что Буря четвертый день болен, и «Нырку» с молодой командой без него не везет. Но все же... все же красный флаг над капитанским мостиком уже мерещится Андрею. И Тоня с ним. Самая красивая девушка в их селе. Не потому, что каждый парень считает, что его девушка самая красивая. Тоня действительно самая красивая.

Забыв обо всем другом, крепкими руками Андрей обнимает Тоню и притягивает к себе, чтобы поцеловать.

— Тоня!

— Что, Андрюша?

Он целует ее.

— Когда же ты мне дашь ответ?

— Подожди.

— Я не хочу ждать!

— Подожди.

— Когда же?

— Завтра скажу.

И второй и третий раз то же: «Завтра». Ну, ладно!.. Непременно завтра. Теперь он будет ждать завтрашнего вечера нетерпеливо, как самого решающего в своей жизни.

А на рассвете, увидев на причале старого Бурю, Андрей растерялся.

— Поправились, Афанасий Григорьевич?

— Да, дышу помаленьку,— отвечает Буря с улыбкой.

На нем резиновый плащ с капюшоном, высокие сапоги. Значит, он выходит в море. Возле узкого причала колышется баркас с «Нырка», и волны сочно хлюпают под его боками, а Буря с удовольствием слушает и говорит Андрею:

— Хорошую рыбу берешь!

— Беру,— поспешно говорит Андрей, кидая плащ и ватник в свой баркас.— Попадается.

— А где берешь сейчас? — спрашивает Буря густым неторопливым голосом и вытряхивает из пачки две папиросы — себе и Андрею.

Тот прикуривает от его спички, и руки его подрагивают. Сказать, открыть секрет — значит распроститься с надеждой на флаг. А не хочется! Он думал об этом остаток ночи. О Тоне и о флаге. Папироса тухнет.

— За Совиным мысом,— отвечает Андрей, снова прикуривая из рук старого бригадира.

Старый бригадир удивляется: что-то долго задержалась рыба на юге, но прыгает в баркас и кричит Андрею:

— Ну, я пошел туда! Догоняй! А то всю рыбу заберу!

И смеется. Он доволен. Его тянет в море. И волны точно помогают веслам быстро подогнать баркас к сейнеру.

Выждав, пока «Нырок», резво застучав мотором, скроется за горой, Андрей зовет своих ребят, толпящихся возле девушек у рыбонасоса, и затем «Ястреб» разворачивается на рейде и спешит в другую, совсем в другую сторону, к Желтому рогу.

Всходит солнце, пробиваясь сквозь мглу на

небе красными пятнами. Как бы прыжками, «Ястреб» взбирается на крутые волны утреннего моря. На капитанском мостике, качаясь вместе с сейнером, стоит Андрей, смотрит в бинокль и придумывает объяснение, почему он не пошел за Бурей.

Можно сказать, что он получил сигнал авиаразведки о косяке у Желтого рога. Можно сказать, что он собирался к мысу со скалой, похожей на сову, где несколько дней назад — это подтвердит вся бригада — были солидные уловы, но передумал, раз туда пошел Буря. Да мало ли что может быть в море!

Правда, может быть и такое, что за Бурей увяжется пять — шесть и своих и чужих сейнеров, за ним всегда таскается длинный хвост нахлебников, уверенных, что Буря, куда бы он ни держал курс, не погонит сейнер зря. Но тем хуже для них. И лучше для Андрея. Он привезет полный трюм рыбы, и о нем заговорят, а о том, как было дело, забудут. Те же, кто нуждается в поводырях, пусть узнают, что не один Буря ловит рыбу.

И, успокоясь, он думает о Тоне. И когда при добрых вечерних огнях к цеху причаливает «Ястреб», на котором не только трюм, но и вся палуба завалена сельдью и камсой, Андрей опять думает о Тоне. Сегодня она не дежурит у весов. Андрею, привезшему такой улов, жалко, что он не увидит сейчас ее, и вместе с тем радостно от того, что можно представить себе, как она сейчас гладит платье и причесывает темные пахучие волосы, собираясь к камню, где они уговорились встретиться.

«Ястреб» легонько стукается о причал, приглушив мотор, и Андрей задорно кричит девчатам:

— Эй, невесты! Принимайте рыбку!

Но невесты молчат. В стороне, на рейде, темнеют сейнеры, и Андрей по силуэту узнает «Нырка» впереди. Что ж, он пришел пустой или уже разгрузился?.. В конце концов ему нет до этого дела! Вон стоит на причале низенький и широченный председатель Карпов. Андрей спрыгивает и, помедлив, идет навстречу:

— Рыбку привез!

— Чужую? — спрашивает Карпов, глядя на него прищуренными глазами.

Андрей отступает в страхе. Ему кажется, что Карпов хочет его ударить. Почему чужую? Это он, Андрей, нашел рыбу за Желтым рогом. Конечно, там ее хватило бы для всех, но... Что ему могут сделать? Теперь в голове Андрея вертится одна эта мысль. Ничего!

Карпов больше не разговаривает с ним, отходит к девушкам. Небрежно расстегнув ватник, залепленный чешуей, Андрей плетется с причала. Сторож у ворот отворачивается. Три девушки из рыбного цеха молча провожают его удивленными взглядами.

«Ничего не могут сделать, ничего!» — продолжает думать Андрей и победно усмехается.

Двое встречных на улице замялись, не ответили на его привет. Черт с ними! Но когда до Андрея донеслась нарочито громкая фраза, что старый Буря, пожалуй, за всю жизнь впервые пришел пустым, и когда, завидев Андрея, инженер рыбного цеха вышел к калитке своего домика и молча, укоряюще покачал головой, Андрей понял, что идет туда, куда ему нельзя сейчас идти.

А шел он домой... Там мать, которая три года тому назад упросила Бурю взять Андрея в свою бригаду.

Он поворачивает и спешит на край села, где вьется тропинка и куда придет Тоня. Под ногами от быстрого шага осыпаются комочки земли. Море распахивается во всю широту в блуждающих зеленых и красных звездах на сейнерах. Мерцает белый глаз буйка, и вспыхивает маяк. И тысячи крохотных лодочек под месяцем уже поставили свои паруса из блесток и никак не могут расплыться в разные стороны.

Бежать! Одно желание одолевает Андрея. Бежать! Но куда бежать ему от моря, родного, как другим бывают родными поле или лес за селом? И захочет ли Тоня?

Андрей закрывает лицо руками, а руки и лицо его шершавы от чешуи, налипшей, как след свершенного преступления. Он сидит на камне час и два, а Тони все нет. Меркнут огни на сейнерах, море становится пустынней, померкли и блестки месяца на воде, словно их задул ветер, и уже светает, а он все сидит один на голом камне возле старой тропы.

Далекие места

Павел КУСТОВ

РОЖДЕНИЕ КОЛЛЕКТИВА

Вы, наверно, товарищи, видели,
Глазом опытным все охватив,
Как из тысяч отдельных строителей
Вырастает один коллектив!

Все сначала как будто суровые.
На собраньях раздельно сидят.
Неужели кассир да столовая
Только этих людей и роднят!

Но, глядишь, поживут, потолкаются,
И народ уже вроде другой.
До того эти люди свыкаются,
Что потом не разлить их водой.

Восторгаясь, а может, и сетуя,
Вечерком мы сойдемся не раз.
Так в труде да за мирной беседою
Зарождается дружба у нас.

Вологжане, толкаясь да окая,
Курским дружески машут рукой...
Но какая работа нелегкая
У парторга на стройке такой!

АВТОБУС

Как будто преодолевая робость
И для начала давши три гудка,
Пошел-поехал новенький автобус
По улицам лесного городка.

Весь — как игрушка, цветом — желто-
красный,
Вобравший солнца щедрые лучи,
Он показался сказочно-прекрасным
Там, где одни гремели тягачи.

И, прижимая трепаные книжки,
Чтоб, часом, как-нибудь не растерять,
За ним бежали долго ребятишки,
Да так и не могли его догнать.

— Такой же, как в столице, посмотрите,—
Машине ослепительной вдогон
Сказал без удивленья местный житель,
Какой-нибудь речник иль плотогон.

Носись по городку зимой и летом,
Не думая про ливень и буран!
Еще одна прибавилась примета
Движения вперед
У северян.

ПОИМКА БЕЛУГИ

Туда, где, вознесен волной упругой,
Уткнулся прямо в берег мотобот,
Взглянуть на трехметровую белугу
Сбирается со всех сторон народ.

Вот это море! Поднесет порою
Такой подарок — ахай и тяни!
Стоят поодаль рыбаки-герои,
Как будто здесь и не при чем они.

А рыба устрашающего веса
Еще поводит жабрами, пока
Не вторгнется холодное железо
В ее позеленевшие бока.

Но сушат председателя заботы:
Ему опять мерещатся пуды.
И пляшут у стоянок мотоботы,
Как будто захмелевшие с воды.

Ловцу не привыкать к волне и стуже.
Он пенный след оставит за собой,
Когда пред ним коса, как хвост белужий,
Покажется из бездны голубой!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Девчонку из бригады Фомина
Заставили весь день копаться в списках.
Но, к холоду привыкшая, она
Недолго пробыла в канцеляристках.

Томиться в душной комнате с восьми,
Глазами упираясь в стол да в стенку...
— Возьми меня обратно в цех, возьми! —
Пристала к бригадиру выдвиженка.

И внял ее горячим просьбам тот,
Всердцах назвав «упрямою породой».
И вот она соловушкой поет
В просторах шлакоблочного завода.

Отрадны ей и шум и суета,
И кровь быстрее ходит в каждой жилке,
Когда пятиметровая плита
Плывет на вагонетке из сушилки.

И люди здесь ей кажутся родней,
И все вокруг так дорого и близко.
А мы-то хлопотали столько дней,
Чтоб сделать из нее канцеляристку!

КВАРТИРАНТ

Капельки смолы видны в проеме.
Потолка — со стула не достать.
Вот она, квартирка в новом доме,
Квартиранту первому подстать!

Он стоит, смущаясь и краснея,
Он шапчонку сдернул с головы.
И глаза лучистые яснее
Мартовской небесной синевы.

Кто его не знает на работе,
Скромного такого паренька!
Не ему ли на доске почета
Первая отведена строка!

А давно ль на нашу новостройку
Он из Заозерья прикатил,
Столик и пружинистую койку
В новом общежитье получил!..

Бригадир, простенки обмеряя,
Говорит, не глядя на жильца:
— Может, уж хозяйка молодая
Вещи выгружает у крыльца!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГРАДИНЫ

Н. КОЛОБКОВ

«...До ближайшей деревни оставалось еще верст десять, а большая темнолиловая туча, взявшаяся бог знает откуда, без малейшего ветра, но быстро подвигалась к нам... Ослепительная молния, мгновенно наполняя огненным светом всю лощину... без малейшего промежутка, сопровождается таким оглушительным треском грома, что, кажется, весь свод небес рушится над нами. Ветер еще усиливается... На кожаный верх брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдруг как будто кто-то забарабанил над нами, и вся окрестность огласилась равномерным шумом падающего дождя».

Так ярко описывает грозу Л. Н. Толстой. Чудодейственно освежается природа пронесшейся грозой. Оживают поля и луга, сады и леса, напоенные драгоценной влагой.

Но далеко не всегда грозовая туча, особенно в теплых и влажных районах, разражается одним только ливнем. Иногда вместе с дождем, точно из огромного резервуара, летят миллионы килограммов градин. Твердые белые осколки льда режут воздух, бьют посевы, ломают сучья деревьев, кружатся в вихре, а затем уносятся ветром. Случается, град наносит немалые убытки народному хозяйству.

Совсем недавно, в конце июня этого года, разразилась буря над Греческой Македонией. Град уничтожал урожай еще на корню, а потоки воды уносили уже убранный хлеб.

В истории метеорологии зарегистрировано немало случаев сильнейшего градобития.

29 июня 1904 года над Москвой прошел ураган с крупным градом. Отдельные градины — с кулак — весили 400 граммов и более. Скорость их падения оказалась столь большой, что стекла в теплицах и парниках были словно прострелены ядрами. При падении градины почти зарывались в почву.

9 июня 1926 года необычайно крупный град разразился над Одессой. Самые крупные градины весили более полукилограмма. Они пробивали железные крыши, ранили животных. Масса льда обрушилась на город. Одно из сообщений в газетах было озаглавлено: «Одесса подо льдом».

Некоторые градины, упавшие в Индии во время грозы 11 мая 1929 года, имели диаметр до 13 сантиметров. Каждая из них весила около килограмма! Это был самый крупный град из когда-либо случавшихся.

На земле градины могут смерзаться и образовывать еще большие куски. Этим и объясняются удивительные рассказы о размерах градин с конскую голову и больше.

Какая же сила образует в облаках массы льда, поддерживает их в воздухе и потом яростно бросает на землю?

Советские ученые ответили на этот вопрос.

Небесная гора

На небе огромная серопепельная туча с разорванными в клочья краями. Желтоватые вершины ее, напоминающие снежные пики горного хребта, прикрыты гигантским опахалом перистых облаков. Когда туча закрывает солнце, цвет ее приобретает зловещий синевато-фиолетовый оттенок. «Быть граду»,— безошибочно заключают наблюдательные люди.

В одну из таких туч совершили полет сотрудники Центральной аэрологической обсерватории. В воздух поднялся специально оборудованный самолет. Он вошел в грозные облака, и различные аппараты, установленные на борту самолета, записывали и фиксировали все то, что происходило в градовой туче. Иногда такая туча своими размерами подобна высочайшей горе. Основание ее покоится в полутора километрах от земли, а вершина достигает десяти километров.

Как образовалась эта небесная гора?

Даже в обычный летний день нетрудно заметить: дрожит воздух, и колеблются изображения отдаленных предметов — это от поверхности земли, нагретой солнечными лучами, подымаются струйки теплого, а потому и более легкого воздуха. Теплый воздух несет невидимый глазу водяной пар. Как от корня с его многочисленными ответвлениями образуется мощный ствол дерева, так и в данном случае из мелких, вначале разрозненных, прогретых струек возникает обширный поток, устремляющийся вверх. В более разреженных слоях атмосферы поднявшийся нагретый воздух расширяется в два—три раза и охлаждается. Часть водяного пара, находящегося в нем, сгущается, образуя мириады мельчайших капелек. Они и создают белые хлопья облаков.

В жаркую погоду, когда, как говорят, «сильно парит», в воздухе очень много влаги. Облака постепенно разрастаются, принимают куполообразную форму и вскоре становятся мощными кучевыми облаками, подножьем небесной горы.

Самолет без особого труда проходит эту толщу; но чем выше, тем лететь становится труднее. Температура атмосферы падает, и уже на высоте 4 тысяч метров она ниже нуля. Увесистые камешки градин и мелкая крупа бьют в окна кабины, по крыльям и всему корпусу самолета. Начинается обледенение. Но самое страшное не это.

Зима в облаках

Градовую тучу непрерывно питают могучие восходящие потоки влажного и теплого воздуха, заменяющие уже охлажденные массы. Внутри тучи все клокочет и бушует, как в громадном вулкане. Гора непрерывно меняет очертания своих рваных скал. Сверкают молнии, грохочет гром. Завихрения в туче настолько сильны, что даже тяжелые летательные аппараты — самолеты,— втянутые в воздуховорот, становятся игрушкой ветра. То их несет вверх со скоростью 15—20 метров в секунду, несмотря на работающий мотор, то швыряет вниз. Временами машина теряет устойчивость и руль становится непослушным.

Силу действия восходящих потоков особенно хорошо испытывают на себе планеристы, исследующие окраины грозовых туч. Ведь парение планеров в воздухе только и возможно благодаря этим потокам. Большой запас прочности планеров позволяет им вихрем всасываться в облака, выдерживая огромные скорости.

Самолету удалось подняться почти к вершине небесной горы. Приборы, установленные на борту воздушного корабля, успели сделать свое дело: обследованы верхние слои градовой тучи. Недоступная вершина небесной горы, оказывается, состоит из снега. Его крупные хлопья сплошной массой низвергаются в более низкие слои. Небесная метель в виде белых полос видна даже с земли. А на самом верху, в зоне еще более низких температур, доходящих до —35°, повисли ослепительно белые перистые облака, состоящие из ледяных кристаллов. Вот из них и состоит «опахало» градовой тучи.

Советские ученые изучают строение градовых туч, но открыть законы образования градин в воздухе не удается. Самолет не может долго находиться в этих опасных для жизни человека условиях. На помощь воздушной лаборатории пришла обыкновенная, земная.

Буря... в холодильнике

Град, точно такой же, как в природе, можно получить искусственно. При этом легко проследить процесс его возникновения, процесс, от которого зависит и форма градины и ее внутреннее строение. Подобные опыты ставили на метеостанции в Кировске профессор В. П. Пузанов и кандидат географических наук В. Н. Аккуратов.

Стеклянные сосуды, наполненные керосином, охлаждены до нескольких градусов ниже нуля. Лаборантка берет пипетку с водой, тоже предварительно охлажденной, и пускает капли в керосин. Все капли, разные по величине, одинаковы по форме. Они медленно опускаются на дно, постепенно превращаясь в плотные ледяные продолговатые градины.

Однако при более низких температурах с водяными каплями начинает твориться нечто необычное. Сначала идет все нормально:

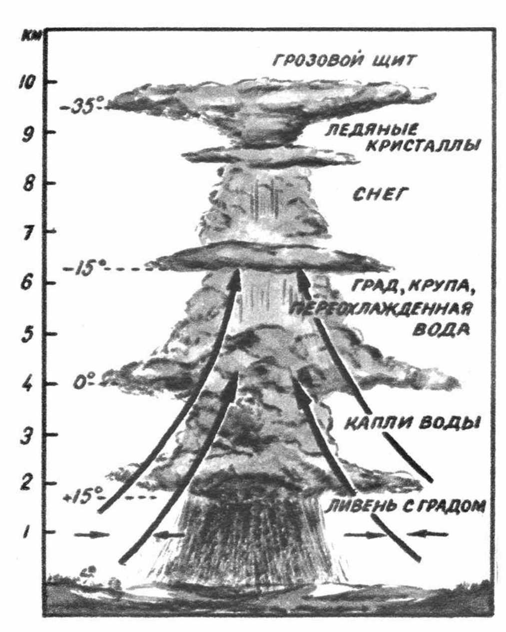
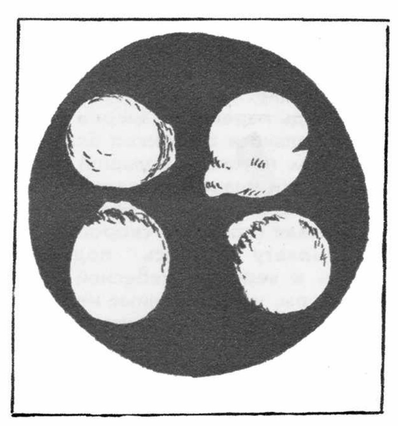

Схема строения градовой тучи.

Градины, полученные в лаборатории.

они оледеневают, а потом, словно маленькие бомбочки замедленного действия, с треском взрываются. Подобным образом ведет себя иногда и натуральный град. Ударившись о землю, он не просто отскакивает от нее, а, упав, подпрыгивает или взрывается с шумом. Такое явление раньше пытались объяснить действием каких-то неведомых электрических сил. На самом деле происходит это значительно проще.

Капля воды в наиболее высоких слоях атмосферы, где сильный мороз, так же как и в керосиновой холодной ванне, превращается в лед не сразу. Сначала образуется ледяная оболочка градины, потом внутри нее промерзают последующие слои воды. Известно, что вода, замерзая, расширяется, при этом внутренний слой льда давит на оболочку, и она с треском разрушается либо сама по себе, либо при повреждении.

В деформации градины участвуют и пузырьки воздуха. Они, кстати, придают ее ядру белый цвет, благодаря которому еще совсем недавно их принимали за снежинки. Под микроскопом видно, что это смерзшиеся пузырьки. Некоторые из них остаются в градине даже при самом медленном и полном ее замерзании, когда она кажется совершенно прозрачной. Выделяясь, воздух образует трещинки, и градина подпрыгивает. Иногда прыгающих градин появляется так много, что стекло начинает звенеть, и в сосуде с керосином разыгрывается настоящая буря. В местах трещинок градин бугорками нарастает лед. Постепенно шарообразная градина становится грушевидной, продолговатой, или у нее образуются острые грани. Так возникают градины самых причудливых форм.

Ураган-работник

Искусственные градины невелики, не больше горошины или фасоли, а с неба, случается, падает град с куриное, даже гусиное яйцо, а то и еще больше. Как вырастают эти атмосферные гиганты? Каким образом воздух может держать такую тяжесть?

И на эти вопросы ответили советские ученые.

Самые крупные градины во время грозы были собраны и законсервированы в особом холодильнике. Потом их разрезали пополам. В разрезе они по строению напоминали луковицу: ясно различима слоистость. Еще раз подтвердилось, что градина растет из мелкой капли переохлажденной воды, как зерно из зародыша. Дело в том, что чистая, не содержащая примесей вода и при нуле и при более низких температурах замерзает не сразу. Но как только она соприкоснется со льдом, мгновенно замерзает и сама. Так происходит и в градовой туче. Переохлажденная капля, натолкнувшись на кристаллик льда, становится градиной. Если она очутилась в более слабом восходящем потоке, то она начинает падать. Попав в более теплую среду с дождевыми каплями, градина приморозит их к себе, появится дополнительный слой льда, в пути на нее может осесть и водяной пар.

Но вот небесную странницу подхватила новая мощная струя вертикального восходящего потока. Градина снова унеслась в верхние части облака. Там она еще более охладится. От примерзания более мелких ледяных кристалликов у нее могут образоваться наросты. На этом приключения градины не кончаются. Еще много раз вверх и вниз будут бросать ее порывы вихря.

Чем жарче день, тем сильнее будут потоки воздуха, способствующие образованию крупных градин. С помощью приборов, методами киносъемки, удалось зафиксировать, что максимальные скорости потока превышали 50 метров в секунду,— это настоящий вертикальный ураган, способный поднять даже градину, весящую до килограмма. Но как только воздушные потоки слабеют, градины обрушиваются вниз, на землю.

Таким образом, лабораторные опыты подтвердили, что структура ядра как у естественных, так и у искусственных градин оказалась одной и той же, а сами они своим рождением и своей величиной обязаны работе ветра-урагана.

* * *

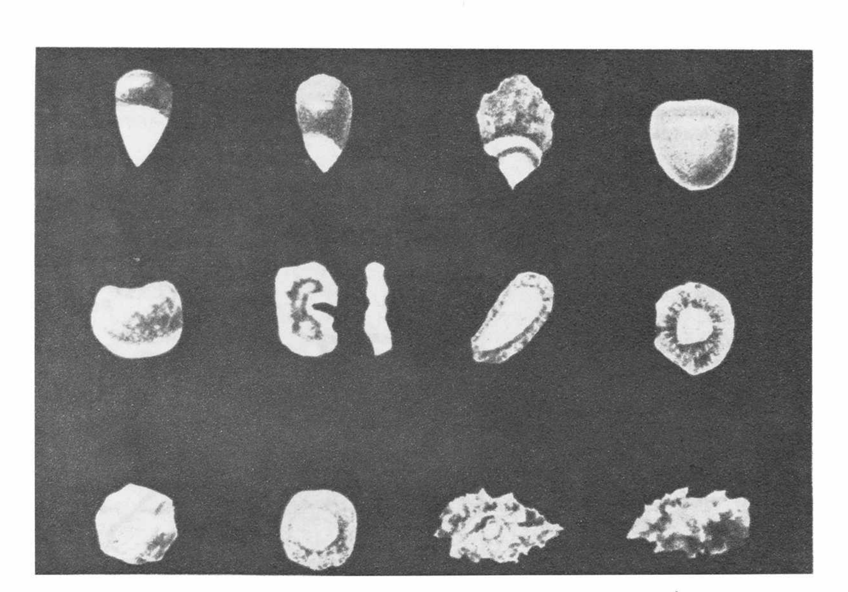
Градовые тучи с уменьшением притока водяного пара теряют кучевую форму, расплываются. Однако, даже если град падал узкой полосой и непродолжительное время, он успеет причинить значительный ущерб.

Люди с давних пор пытались найти средства для рассеивания градовых туч. Реальных результатов эти поиски пока не дали. В прошлом столетии были построены мортиры для стрельбы по тучам. После взрыва пороха мортиры выбрасывали на громадную высоту вихревое дымовое кольцо. Предполагали, что сильнейшие движения воздуха в этом кольце могут помешать образованию града в туче. Результаты оказались плачевными: град продолжал выпадать с прежней силой. Теперь мы знаем, что предотвратить град такими мортирами — все равно, что пробовать остановить поезд, обстреливая его горошинами.

В США и Японии на огромных матерчатых змеях к градовой туче поднимали большие запасы взрывчатого вещества. Предполагали, что взрыв расколет градины на мелкие, безвредные кусочки льда. Но этого достигнуть не удалось.

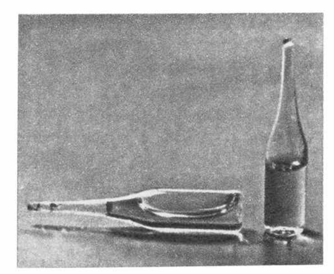
Таким образом, перед наукой стоит пока еще не разрешенная задача — найти способы борьбы с градобитием. Большую роль здесь должна сыграть, надо думать, атомная энергия.

В настоящее время действенной мерой является лишь быстрая ликвидация последствий, которые приносят градобития. В нашей стране такая помощь пострадавшим районам оказывается незамедлительно.

Самые причудливые формы приобретают градины.

«В 12»

В картонной коробке, укутанные белыми листами жатой тонкой бумаги — лигнина,— лежат маленькие ампулы. Сквозь прозрачное стекло просвечивает розоватая жидкость. Это препарат — витамин «B_{12}», обладающий свойством пробуждать кроветворную способность организма.

Кратка жизнь красных и белых кровяных телец. Она измеряется всего сорока днями. За этот срок происходит смена кровяных телец новой армией молодых клеток, непрерывно поступающих из костного мозга, где они образуются.

Процесс этот совершается при обязательном участии фолиевой кислоты — витамина, впервые полученного из зеленых листьев (отсюда и название «фолиум», по-латыни — «лист»). Если такой кислоты мало или вовсе нет, то клетки не созревают, а недозрелыми они не проникают в кровеносную систему, не разносятся током крови. Равновесие в организме нарушается. Костный мозг до отказа набит недозрелыми тельцами, а разветвленная сеть сосудов испытывает в них острую нужду. Так возникает тяжелый недуг — злокачественные формы анемии — малокровие.

Естественный источник фолиевой кислоты — знакомые каждому салат, щавель, шпинат, дрожжи и особенно земляника и ее культурный сорт — клубника.

Изучив тонкое химическое строение этого витамина, советские ученые искусственно воспроизвели его в лаборатории. Синтетический препарат по своему действию равен природному. Достаточно несколько раз ввести его в организм, как кровь быстро обогащается юными клетками, и больной выздоравливает.

Почти в тысячу раз активнее фолиевой кислоты витамин «B_{12}» — вещество, поразительное по своей силе и высокому лечебному эффекту. «B_{12}» не только заставляет клетки созревать, но и обрывает осложнения, которые нередко сопровождают злокачественное малокровие. Речь идет о нервных заболеваниях, когда, например, нарушается чувствительность, теряется вкус, аппетит, расстраивается согласованность движений.

«B_{12}» — двенадцатый «богатырь» из семейства витаминов «В». Однако тщетно его искать в дрожжах, плодах, ягодах, зерне. Обнаружен он в печени и почках травоядных, а также в микрофлоре их желудков. Именно здесь происходит синтез этого витамина, используемого организмом животного. Его создают мельчайшие обитатели желудочно-кишечного тракта — бактерии.

В Институте биохимии Академии наук СССР профессор Василий Николаевич Букин и его сотрудники всесторонне исследовали кроветворный витамин, нашли доступный источник сырья и предложили оригинальный метод его изготовления.

Злокачественное малокровие, по мнению профессора В. Н. Букина,— авитаминоз. Он возникает не потому, что в организм вместе с пищей поступает мало необходимого витамина, а потому, что нарушается его всасывание. «B_{12}» как бы не достигает места своего назначения.

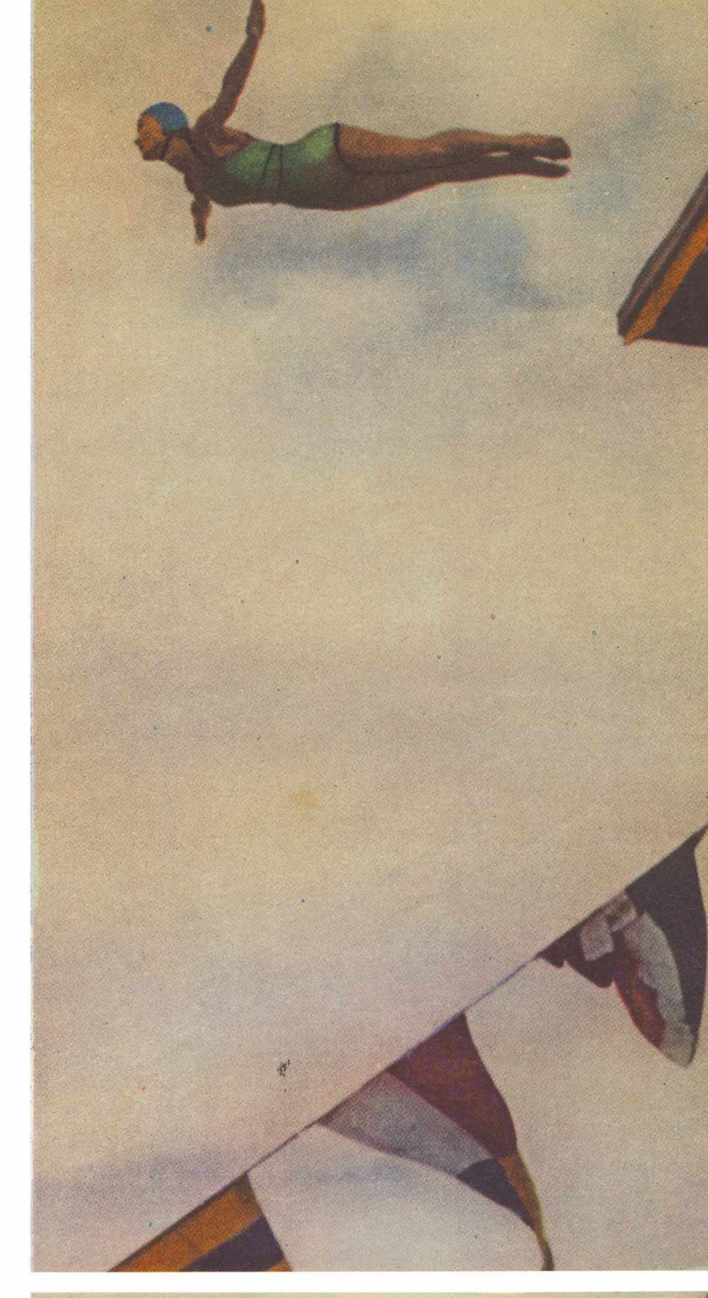
Значит, образно говоря, надо не стучать в «запертую дверь», а проникнуть внутрь через «окно». Таким «окном» является кровь. Десять подкожных инъекций раствора, содержащего 10—15 миллионных долей грамма «B_{12}», на протяжении месяца позволяют поднять число кровяных телец до нормы, излечив больного от связанных с анемией расстройств.

Г. БЛОК

Летом на воде

Необъятны водные просторы нашей Родины — моря и океаны омывают ее берега. Тысячи рек и озер дарят земле свою свежесть. И с приходом лета люди всех возрастов пользуются этой свежестью, находят отдых на воде.

Как приятно в знойный летний день, ласточкой распластавшись в воздухе, броситься навстречу речной прохладе; нестись, стоя на шаткой поверхности акваплана, по Москве-реке вслед за быстроходным глиссером; путешествовать с друзьями на байдарке по бухте Радости или просто купаться в полноводном Днепре!

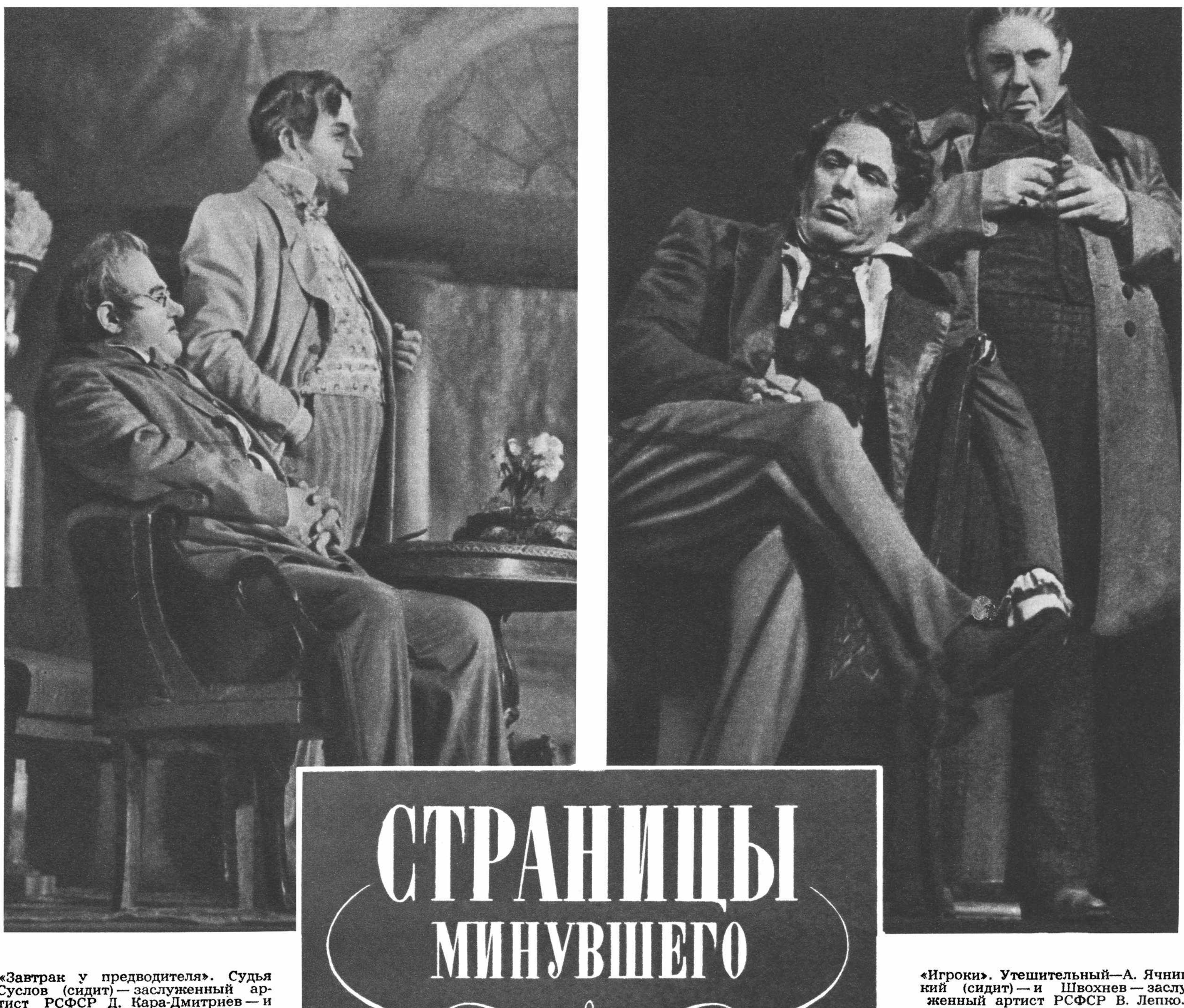

Уходят в Балтийское море красавицы яхты; отправляются в «малое плавание» модели парусных судов, построенных юными моряками Таллина; с огромной скоростью проносятся скутеристы, вздымая белоснежные буруны. Необъятные морские и речные просторы нашей Родины — раздолье для любителей водного спорта.

Хорошо летом на воде!

Фото М. Боташева, Л. Доренского, Н. Козловского и Е. Умнова.

СТРАНИЦЫ МИНУВШЕГО

«Завтрак у предводителя». Судья Суслов (сидит) — заслуженный артист РСФСР Д. Кара-Дмитриев — и Балагалаев, предводитель,— заслуженный артист Грузинской ССР И. Бодров.

«Игроки». Утешительный—А. Ячницкий (сидит) — и Швохнев — заслуженный артист РСФСР В. Лепко.

Фото А. Горнштейна.

«Страницы минувшего» — так называется этот остроумный спектакль, показанный москвичам Театром сатиры. Названный спектаклем о минувшем, он, однако, не является простой иллюстрацией к событиям давних времен. И «Завтрак у предводителя» Тургенева и «Игроки» Гоголя — обе постановки наполнены живым, интересным нам и сегодня содержанием.

Казалось бы, нет ничего общего между комедийными произведениями Тургенева и Гоголя. Они различны по теме, по изображаемой среде, по характеру их комизма. И все же обе комедии роднит единый идейный замысел: осмеяние лицемерия, продажности и тупости правящих и привилегированных кругов царской России. Это единство обличительных устремлений авторов раскрывается режиссером В. Плучеком и актерским коллективом Театра сатиры жизненно-достоверно и убедительно.

...На торжественном завтраке у предводителя дворянства Балагалаева собрались местные помещики, чтобы решить свои запутанные и спорные вопросы. Речь этого важного человека, окруженного заискивающим в нем дворянством,— бессмысленная мешанина из торжественных предизбирательных речей и домашних поучений. Голос его проникновенно-ласков, жесты округлы. С каждой репликой главы уездного дворянства все чаще мелькают в воздухе его что-то доказывающие руки, все умильнее закатываются глаза.

Актер И. Бодров так играет своего Балагалаева, что в нем явственно проступают черты прекраснодушного гоголевского Манилова, бесконечно болтающего о возвышенном, в то время как голодают и нищенствуют его мужики.

Имел ли право актер на такую трактовку образа тургеневского Балагалаева? Несомненно. Раскрытие в тургеневском герое черт и черточек либерального болтуна Манилова придало его образу бо́льшую социальную заостренность.

Высокопарные тирады Балагалаева разбиваются о непоколебимое упрямство вдовы Кауровой, своеобразной дубиноголовой Коробочки, как задумала этот образ актриса Т. Пельтцер. В репликах Кауровой нет, нет, да и проскользнет голый, неприкрытый расчет, торгашество, сводящие на нет «высокие» рассуждения Балагалаева и обнажающие его собственное, прикрытое красивыми фразами корыстолюбие. Облик «скромной», «терпящей обиды» вдовы меняется, как только в гостиной появляется ее кучер Карпушка. Столько презрения, жестокости и издевки в ее холодном взгляде, что все понятно сразу: старый кучер для нее вовсе и не человек. Так раскрывается характер Кауровой — жестокой крепостницы. Это толкование образа проливает свет и на характеры остальных дворян, воспринимающих обращение Кауровой с ее «человеком» как обычное, закономерное явление.

Исполнитель маленькой, эпизодической роли кучера Карпа — актер А. Прибыловский — создал выразительный образ забитого, запуганного крестьянина, которому глубоко ненавистны и его помещица и ее темные, хитрые дела.

Впечатление от тургеневского спектакля было бы более сильным и цельным, если бы в конфликт комедии активно включились все действующие лица пьесы. Помещик Беспандин (Г. Иванов), судья Суслов (Д. Кара-Дмитриев) стоят как бы в стороне от событий, никак не вмешиваясь в их течение. Правда, так задумал Суслова автор. Однако актер и в самой пассивности своего героя мог бы выявить нечто более существенное для идеи комедии — циническое равнодушие чиновника к людям и к обязанностям по службе. Со стороны наблюдает события и Беспандин, хотя именно он является одной из «противоборствующих сил» в конфликте комедии. Актер слишком поверил миролюбию своего героя, его искреннему желанию пойти на уступки. У Тургенева все это только внешние черты поведения Беспандина: за смиренными фразами звучит скрытая угроза, в них таятся и хитрость и желание выведать намерения сестры — Кауровой, стремление выхватить лучший кусок. Всего этого актер еще не почувствовал в своем Беспандине. На сцене грубый помещик, которому и вправду надоели бесконечные пререкания и захотелось поскорее вырваться на охоту. В итоге социальная характеристика тургеневского образа ослаблена.

* * *

Начинается вторая часть спектакля — «Игроки». Из светлой, спокойной гостиной действие переносится в полутемный номер городского трактира, куда заезжал, быть может, и любознательный Павел Иванович Чичиков, и ветре-

ный Иван Александрович Хлестаков, и многие другие проходимцы, надувалы и мошенники, высмеянные с огромной силой великим Гоголем.

Одна из удач постановки — образ шулера Утешительного, созданный артистом А. Ячницким. Утешительный — шулер по призванию, обман — его стихия, смысл жизни, существо всех его помышлений. И от того, как просто и легко врет Утешительный-Ячницкий, как задушевно втирается он в доверие собеседника, и рождается разительный сатирический эффект. Под личиной таких «добрых малых» и жили когда-то на Руси Ноздревы, Утешительные, Чичиковы.

Правильно делает Ячницкий, лишая своего героя романтического ореола, каким, например, окружил своего Ихарева заслуженный артист РСФСР Г. Доре. «...Гораздо легче изображать характеры большого размера: там просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиной лоб, перекинутый через плечо черный, или алый как огонь плащ, и портрет готов», — иронически говорит Гоголь о художественных созданиях подобного рода. К сожалению, именно этим путем и пошел артист Г. Доре. Его Ихарев снедаем трагическими переживаниями, он «чужой» в этом заштатном русском трактире и в этой теплой шулерской компании. То, что режиссер не помог актеру найти верное решение образа, ослабило общественную сторону интересного спектакля.

Неточная характеристика образа Ихарева становится особенно наглядной рядом с другой актерской работой — образом картежника Кругеля (Ф. Димант). У него полное мнимой значительности, испитое, истасканное лицо, разочарованно-мрачные взоры старого армейского позера, в руках неизбежная рыдающая гитара. Использован как будто тот же романтический прием, который выбрал и актер Доре, но Димант явно высмеивает Кругеля, иронизирует над его демоническими ухватками, скрывающими пошлую и продажную душонку.

Темпераментную шулерскую компанию превосходно дополняет неповоротливый, сонный Швохнев (В. Лепко), так по-домашнему, невинно усаживающийся за карты, так по-отечески ласковый с окружающими, что кажется, и не было человека честнее и добродушнее. Но когда его маленькие сонные глазки вдруг хищно сверкнут, а спокойные пухлые руки, прикоснувшись к деньгам, станут торопливыми и цепкими, из-за облика доброго папаши проступит другой, истинный его облик — мошенника и проходимца.

Пьеса «Игроки» построена на столкновении характеров. Раскрыв сущность этих столкновений, театр показал: впустую теряются силы, холодны чувства в мире, где все покупается и продается. Как ненужная колода карт, отброшенная Ихаревым, разлетаются корыстолюбивые мечты и мошеннические аферы тех, кого настигает бичующий гоголевский смех.

Обратившись к сценическим миниатюрам великих писателей, театр сделал важное дело и для советского зрителя и для театра, призванного смехом разить все отжившее, косное, старое.

И. ВИШНЕВСКАЯ

Правдивые произведения

Недавно на экранах Советского Союза показывался французский кинофильм «Опасное сходство», созданный режиссером Пьером Бийоном по драме В. Гюго «Рюи Блаз». В роли дона Сезара де Базана мы видели одного из крупнейших актеров современной Франции, Жана Марэ. Выход на экран этого фильма, в котором бережно сохранены идея и главный конфликт драмы,— явление примечательное для современного французского кино: в последнее время французские кинобработники лишены права экранизации произведений Гюго. Это право куплено... Голливудом.

Просматривая сегодня сводные афиши кинотеатров Франции, можно получить представление о состоянии французской кинопромышленности. Подавляющее большинство демонстрируемых сейчас в стране фильмов иностранного, главным образом американского, происхождения.

Отечественное производство сокращается. Тем отраднее, что, несмотря на всяческие трудности, кинобработники продолжают создавать значительные произведения, выполненные в лучших традициях реалистического национального киноискусства.

...Закончилось выступление симфонического оркестра, исполнившего «Прелюды» Ф. Листа. Маленький Роберто Луиджи целует дирижерскую палочку — подарок любимого учителя. Фильм окончен. Но зритель еще долго помнит талантливого и трогательного мальчика-дирижера, думает о его судьбе.

Когда в сентябре 1949 года Жорж Лакомб начал съемки известного сейчас советскому зрителю фильма «Прелюдия славы», имя одиннадцатилетнего итальянского дирижера Роберто Бенци знали немногие. Фильм стал для него прелюдией к подлинной славе. Бенци настолько правдив и искренен в своей роли, настолько непринужденно держится, что создается впечатление, будто он играет эпизоды из своей жизни. Между тем сценарий написан лишь применительно к его возможностям.

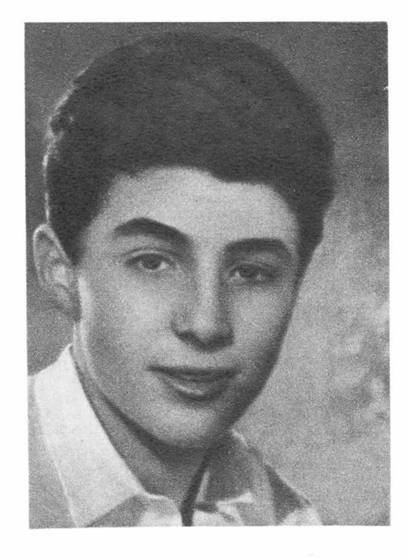
Сейчас Роберто Бенци 15 лет. Несмотря на частые концерты, он много занимается, проходит курс средней школы, увлекается спортом. Роберто не хочет быть «дрессированной обезьянкой», как он говорил в фильме «Прелюдия славы». Роберто хочет стать хорошим музыкантом, культурным человеком и упорно идет к этой цели.

Не так давно Жорж Лакомб снял с участием Роберто Бенци новый фильм, «Зов судьбы»,— о мальчике-музыканте, который помогает своим родителям воссоздать разрушенную семью.

Большой интерес представляет последний фильм режиссера Рене Клемана (автора картин «Битва на рельсах» и «У стен Малапаги») — «Запрещенные игры».

...Памятные многим французам трагические дни лета 1940 года. Спасаясь от нацистов, по дороге движутся беженцы. Фашистские самолеты на бреющем полете расстреливают мирное население. Из этого ада невредимыми выходят не многие, и среди них маленькая парижанка Полетта. Гибель родителей накладывает страшный отпечаток на сознание ребенка, сказывается на ее характере, на ее играх, в которых главным становятся смерть, похороны. Такие игры продолжаются до тех пор, пока девочка не попадает в детский дом, в окружение ребят, своих сверстников.

Таков сюжет фильма Рене Клемана — о последствиях войны и об ответственности взрослых за судьбу детей. Своим новым произведением Клеман требует запрещения войны и делает это взволнованно, художественно убедительно, патетически-гневно.

Роберто Бенци в новой роли в фильме «Зов судьбы».

В жанре трагического фарса режиссер Клод Отан-Лара создал фильм «Красная таверна» (получивший диплом на кинофестивале в Карловых Варах в 1952 году) — едкую сатиру на католическую церковь.

Все эти примеры говорят о стремлении французских кинобработников в своем творчестве обращаться к правдивым и художественно полноценным темам.

А. КРАСИКОВ

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ИТАЛИИ

Есть у него шикарное пальто,
Совершенно новое оно,
Недостает лишь переда да спинки,
А остальное все на месте!
Есть у него ботинок чудных
пара.
Ботинки эти новые совсем.
Им не хватает лишь одних
подметок,
А остальное все на месте!

Эту незатейливую народную песенку, в шуточной форме рассказывающую о жизни бедняка, с успехом исполняет в сопровождении аккордеона хор батраков из местечка Гравина (область Апулия) — один из лучших самодеятельных коллективов итальянских трудящихся.

Массовые демократические организации Италии уделяют большое внимание развитию народного искусства. Проводимые ими митинги, конгрессы, празднества сопровождаются, как правило, выступлениями самодеятельных коллективов.

...На подмостках, в декорациях, изображающих улицу рабочего пригорода, идет пьеса «Марко женится», повествующая о том, как в трудной и упорной борьбе с предпринимателями трудящимся удается воспрепятствовать закрытию фабрики, спастись от безработицы. Любящие друг друга молодые рабочие Марко и Алессандра после этой победы могут, наконец, осуществить свою мечту и жениться. Финал пьесы, проникнутой пафосом борьбы, говорит об уверенности ее героев в своих силах.

Какой же театр осмелился показать народу спектакль о борьбе рабочих за свои права? Пьесу «Марко женится», написанную самими рабочими—участниками спектакля — в содружестве с местными деятелями культуры, поставил Ливорнский массовый театр. Массовый театр — новый вид народного искусства, сложившийся в Италии в послевоенные годы. Основателем его является прогрессивный режиссер Марчелло Сартарелли, талантливый постановщик многих грандиозных музыкально-драматических спектаклей, шедших под открытым небом. В этих спектаклях, гармонически сочетающих пение и речь, музыку и танцы, участвует иногда по нескольку тысяч «артистов» из среды тех же самых рабочих и крестьян, которые являются постоянными зрителями.

У микрофона молодая поденщица рисовых плантаций в Верчелли. Она исполняет созданные местным ансамблем народных инструментов лирические, шуточные и сатирические песни.

Один из последних спектаклей Сартарелли, поставленный на празднике газеты «Унита» в Модене, посвящен батракам, их борьбе за землю. Спектакль полон веры в торжество народа. В финале около шести тысяч исполнителей проходят перед зрителями с поднятыми знаменами и с песнями труда и мира. Поток манифестантов, реющие над ними красные знамена, мелодии боевых песен символизируют мощь и непобедимость сплотившихся в борьбе трудящихся масс.

Прогрессивными деятелями искусства создан специальный центр народного театра и зрелищ. Он объединяет сотни самодеятельных групп и кружков, а также и некоторые профессиональные коллективы, помогая им в выборе репертуара и подготовке программ. В нынешнем году, как и в прошлом, состоится общеитальянский смотр художественной самодеятельности, на котором будут выступать певцы, танцоры, музыканты, любители драматического искусства — участники массового народного театра.

...Вокруг костра расположилась группа мужчин. Они поют партизанские песни, то суровые и решительные, то задушевные и мечтательные. Так начинается выступление известного в Италии хора рабочих Модены. В годы войны моденцы внесли свой вклад в общенародное дело борьбы с фашизмом. Сейчас они, как и жители других итальянских городов, борются за мир и демократию, за национальную независимость своей страны. Их мужественные песни поднимают боевой дух, зовут к борьбе за свободу.

В. ВАЛЕНТИНОВ

Рассказы Юрия Нагибина

Вот уже лет пять, как они живут в моей памяти среди других полюбившихся литературных персонажей — демобилизованные саперы Федор Рожков и Степан Захарыч. И тот и другой — умелые столяры, хозяйственные, основательные люди, решившие подзаработать в колхозах, где после войны у кого «крыша плачется», у кого «сараюшко завалился, стол или там табурет захромал...» Степан Захарыч, предлагая приятелю поездить по району, так и говорит: «Вернемся тысячниками». Характеры у них разные — Федор несколько мягче душой, мечтателен, застенчив, но обоих роднит некоторая, если можно так выразиться, простодушная хитроватость, понимание себя как людей, которые маху не дадут, людей оборотистых, «деловых».

Писатель Юрий Нагибин, поведавший о том, как отправились сколачивать тысячи предприимчивые столяры-саперы, публикуя свой рассказ в 1947 году в журнале «Знамя», назвал его «Деляги». В сборнике, о котором идет сейчас речь, рассказ почему-то носит невыразительное название — «Пути-дороги». И это, думается, напрасно.

«Деляги» — так думают о себе Федор Рожков и особенно Степан Захарыч — тертые люди, сноровистые мастера, для которых самое главное в этом их мастерстве то, что благодаря ему они зашибут большую деньгу. «Вот так деляги!» — с чуть ироничеcкой и добродушной улыбкой как бы говорит о своих героях автор. Стоило им встретиться с той нуждой в рабочих руках, какую испытывала страна, и они позабыли о своих планах нажиться на этой нужде. Их попросту поглотила радость труда, поэзия созидания — пусть на очень скромном участке: в колхозе или на маленькой текстильной фабрике.

История литературы знает немало произведений, в которых рассказывается, как маленький человек капиталистического мира, отправляясь в путь за счастьем, терпит крах. Казалось бы, потерпели крах и Федор Рожков со Степаном Захарычем: не осуществились их замыслы! Но ни сами они, ни читатель не испытывают при этом ни грусти, ни горечи. Рассказ светел и жизнерадостен. Почти каждая строчка в нем — изображает ли она пейзаж или рассказывает о поступке героя — как бы свидетельствует, что для этих простых, ничем не выдающихся людей вся страна — родной дом и что если делают они в этом доме свою плотницкую работу, то делают ее, в сущности, для себя. Не теми тысячами, которые мерещились им, а этой вот честной работой «на других» они и устраивают свое собственное счастье.

Подобного рода характеры — характеры обыкновенных, рядовых людей нашей страны, которые за годы советской власти освободились от мелкобуржуазного эгоизма и приобрели новые, необыкновенные свойства,— лучше всего удаются Ю. Нагибину.

Таковы, например, рыбаки из рассказа «Чужие берега». Их моторку прибило к турецкому берегу, где им за бесcловную цену предлагают в кредит — советское правительство заплатит!— сколько угодно продуктов. И хотя рыбаки уже несколько дней ничего не ели, они все же берут только три килограмма хлеба и горючее, экономя государственные деньги.

В благородной заботе об общем деле, которое в то же время и личное дело, раскрываются характеры колхозников, покупающих высокопородного коня для своего хозяйства («Покупка коня»), характер зоотехника Кретова, организующего социалистическое соревнование на сеноколе («Партийное поручение»). Наконец, и военный переводчик, пожилая преподавательница немецкого языка Любовь Ивановна («Переводчик»), и лейтенант из радиоотряда («Радиосолдат») — люди, что называется, дюжинные — совершают свой каждодневный подвиг, черпая силу в том, что делают они дело, которое всем нужно.

Правда, этой же заботой о коллективе определяются и поступки конькобежца Стрешнева из рассказа «Победитель», который не удался Ю. Нагибину, как не удался ему и другой «спортивный» рассказ сборника, «Личное первенство». Может быть, писатель просто хуже знает этот материал? Нет. В обоих рассказах точно и выразительно изображены спортивные состязания, в них много запоминающихся подробностей, относящихся к быту советских спортсменов.

И если названные рассказы не удались, тогда как упомянутые мною выше по-настоящему хороши, то причина здесь в том, что в первых изображен этакий «человек вообще», а не конкретный человек с присущими одному ему индивидуальными чертами. В каждом из удавшихся Ю. Нагибину рассказов показан всего только один эпизод из жизни героев, но именно потому, что люди наделены ярко выраженной индивидуальностью, мы легко представляем себе их и в других обстоятельствах. Мало того, в очень поэтическом рассказе «Ваганов» вовсе не показаны легендарные подвиги молодого кавалериста Алеши Ваганова, хотя, казалось бы, писатель задался целью прославить бессмертный героизм юноши. О подвигах Алеши рассказывают бойцы, а сам он изображен лишь во время пляски да мимолетного разговора с девушкой. И все же мы верим в исключительную храбрость Ваганова, потому что такова натура этого человека, какой она предстала перед нами в рассказе.

А вот чемпион по конькам Стрешнев, несмотря на то, что он изображен и на стадионе и дома, несмотря на все его размышления и переживания, не воспринимается нами как живой человек. Точно так же не веришь и в подлинность персонажей рассказа «Личное первенство». Можно предположить, что писатель сперва придумал схему поведения героев, создал некий искусственный каркас, а потом стал наращивать на него различные детали, которые придали бы его героям сходство с живыми людьми. Они и похожи, но только как муляжи из папье-маше.

По счастью, такого рода «картонных» людей в сборнике немного. В большинстве своем рассказы Ю. Нагибина населены характерами яркими, своеобразными. Здесь и наши современники в буквальном смысле этого слова, и люди недавнего прошлого, например, цыгане из рассказа «Трубка», подростки с Чистых прудов из рассказа «Нас было четверо». Что до последнего рассказа, то хочется посоветовать автору еще поработать над ним, показать тот опущенный им период в жизни героев, когда подростки становятся юношами, когда формируются характеры молодых граждан нашей страны.

Ефим ДОРОШ

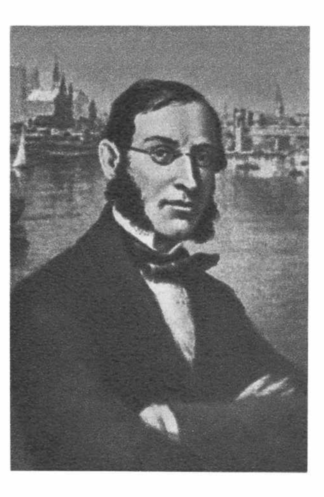
Юрий Нагибин. Рассказы. «Молодая гвардия». М. 1953. 327 стр.

Поэт немецкого пролетариата

Немецкий поэт Георг Веерт был свидетелем и участником революционных событий 1848 года, членом созданного Марксом и Энгельсом Союза коммунистов, сотрудником издаваемой ими «Новой Рейнской газеты». Все свои творческие силы поэт отдал борьбе за освобождение трудящихся. В стихотворениях и фельетонах, в сатирическом романе и в очерках ярко проявилось своеобразие литературного дара Веерта, в котором остроумие сочетается с вдохновенным пафосом.

Сборник избранных произведений Георга Веерта, выпущенный Государственным издательством художественной литературы, знакомит советского читателя с творчеством талантливого писателя, о котором Энгельс в 1883 году писал как о «первом и самом значительном поэте немецкого пролетариата». В сборник включены произведения Веерта в стихах и в прозе.

Герой веертовской поэзии — простой человек, рабочий или крестьянин. Мастерски владея формой народной песни, Веерт в своих лирических стихотворениях правдиво воссоздает жизнь обездоленных тружеников. В его поэзии звучит тысячеустый стон тех, кто трудом своим создали неисчислимые богатства, а сами обречены на голод и нищету.

Георг Веерт.

Трагическая судьба английских горняков волнует поэта не меньше, чем тяжкая участь немецких виноградарей. Но Веерт — убежденный оптимист: ему, ученику и соратнику Маркса и Энгельса, поэту-революционеру, ясно, что будущее принадлежит народам мира. Он славит восстание силезских ткачей, баррикады в Париже, баррикады в Кельне. Он предвидит то время, когда

> Последней цепи ржавое звено
> Порвет напор последнего усилья!

Непримиримость к врагу — одно из условий победы. В ряде стихотворений и в разнообразных по жанру прозаических произведениях Веерт использует художественное слово как оружие, нацеленное на врага — на прусское юнкерство, которое является оплотом реакции, на немецкую буржуазию, предающую и продающую народ и революцию. Рыцарь фон Шнапганский, коммерсант Прейс — сатирические образы обобщающего значения. Шнапганский—современный ландскнехт, готовый за деньги служить любому правительству. Прейс — предприимчивый делец, стремящийся прикарманить все, в том числе и завоевания революции, за которые народ пролил свою кровь. Поэт беспощадно разит тех, кто пытается увлечь народ с пути революционной борьбы, всяких соглашателей, прикрывающих красивыми фразами свое мещанское приспособленчество.

Имя Георга Веерта, ненавистное правящим классам буржуазной Германии, замалчивалось на протяжении многих десятилетий. Как отметил Вильгельм Пик в одном из выступлений, немецкий народ только в условиях нового, демократического порядка получил свободный доступ к сокровищам своей великой национальной культуры. В Германской Демократической Республике стало достоянием широких трудящихся масс и творчество Веерта.

В Советском Союзе произведения Веерта издавались неоднократно. Новое и более полное издание его избранных произведений лишний раз свидетельствует о том, что в нашей стране бережно хранят и успешно изучают литературное наследство прогрессивных писателей всех времен и народов.

Стихотворения Веерта даны в переводах И. Миримского, Б. Тимофеева, С. Хмельницкого. К сожалению, отдельные строфы звучат неуклюже. Непонятно, почему в книгу не вошли некоторые бесспорно удачные переводы, сделанные М. Светловым для предыдущего сборника избранных произведений Веерта.

Л. СИМОНЯН

Георг Веерт. Избранные произведения. Гослитиздат. 1953.

Неумирающая песня

Выдающийся польский поэт-демократ прошлого века Людвик Кондратович, более известный под псевдонимом «Владислав Сырокомля», уже в одном из ранних стихотворений (1845) определил самую суть своего творчества:

> Не я пою — народ поет.
> Во мне он песни создает...

К этой теме Сырокомля возвращался часто. Он размышлял над тем, как рождается песня, почему она становится нужной людям, в чем ее неумирающая сила. Самый образ поэта в его стихах лишен какой бы то ни было исключительности — он человек из народа, преимущественно из самых его низов: деревенский скрипач, сельский лирник, бедняк, обитающий в жалкой лачуге, и его песня несет в себе многострадальный опыт «сермяжных братьев» — угнетенного польского и литовского крестьянства.

Сырокомля жил в бурные годы. Современная польская критика с полным основанием утверждает, что подъем революционного движения в Польше 1848 и начала 60-х годов — это почва, питавшая поэзию Сырокомли. Взгляды русских революционных демократов также, несомненно, оказали свое влияние на творчество Сырокомли.

Он пробовал свои силы в драме и в прозе, занимался исследованиями в области истории литературы. Однако истинным его призванием была поэзия.

Творчество Сырокомли развивалось противоречиво, и мы отступили бы от исторической правды, если бы попытались изобразить его поэзию как последовательно революционную на всех этапах ее развития. Но даже в тех стихах, где он сбивался на идиллический тон (а их было немало), в стихах, как будто прекраснодушных, без ясной, сколько-нибудь определенной тенденции, нет-нет, да и прорвется резкая мужицкая нотка, трезвый горький народный юмор. А какую активность и наступательную энергию приобретает его поэзия, когда он говорит на волнующие его общественные темы!

Замечательным образцом гражданской лирики Сырокомли являются стихи «Освобождение крестьян» (1859), поводом к созданию которых послужило выступление виленского сеймика против крестьянской реформы. Гневно клеймит поэт клику политических дельцов, попирающих интересы народа:

> Предстали вновь вы
> в злобе и гордыне,—
> Века вам изрекут свой
> приговор!
> Носить шляхетский герб
> теперь позор!
> Я не хочу быть
> шляхтичем отныне!

Взгляды Сырокомли в отношении шляхты определились не сразу. Он разделял многие иллюзии, касающиеся как ее исторического прошлого, так и ее политической роли в тогдашней Польше. Но с той частью шляхты, которая олицетворяла крепостнический строй, он вел борьбу, разоблачая ее классовый эгоизм, корыстное политиканство. Особенно доставалось от него людям, чуравшимся своей страны, своего народа, своей природы («Отраден им запах заморских духов, для них ли ромашки с литовских лугов?»).

В произведениях Сырокомли на исторические темы сильней всего сказались традиции романтизма с его идеализацией патриархальной старины — «древней пышности и древней славы» — и культом жертвенности. Но в некоторых стихотворениях Сырокомля знакомит нас с историей во всей откровенности ее кричащих противоречий. Такова, например, повесть в стихах «Иллюминация» (1856). Она построена на резком противопоставлении разгульного веселья князя-феодала и его челяди и трагической участи жены бедняка, вынужденной оставить умирающего сына, чтобы зажечь огни торжественной иллюминации по случаю празднества в замке.

Составитель вышедшего в Гослитиздате сборника Е. Васильевская верно отобрала те произведения, которые более всего характерны для Сырокомли; кроме лирики и повестей в стихах, в сборник включены большая эпическая поэма «Маргер» и комедия в стихах «Граф Вонторский». Удачны переводы, выполненные для этого издания М. Зенкевичем, М. Павловой, М. Живовым, Л. Мартыновым и другими. В сборник вошли и переводы русских поэтов прошлого века, таких, как, Л. Трефолев, Л. Мей, Л. Пальмин.

Ю. МИРСКАЯ

Людвик Кондратович (В. Сырокомля). Избранные произведения. Перевод с польского. Гослитиздат. М. 1953.

ДЕСЯТЬ ОТКРЫТОК ИЗ КИСЛОВОДСКА

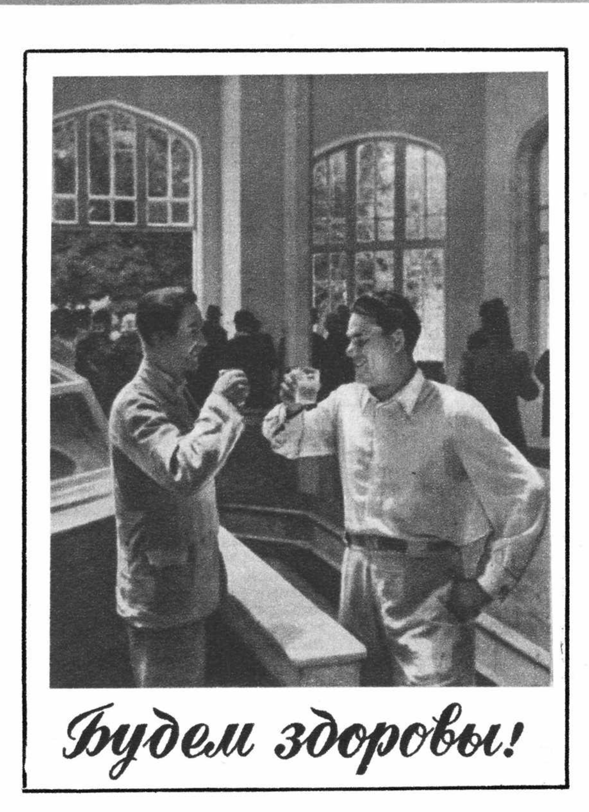
С. ФРИДЛЯНД

Несколько раз в день на чистой, украшенной цветами вокзальной площади чинным рядком выстраиваются санаторные автобусы. Люди выходят из поездов, и через несколько минут перед ними открывается панорама Кисловодска, города-курорта: снеговые вершины гор, сочная и буйная зелень парков, множество светлых, нарядных зданий.

Пожалуй, о всей необъятной географии нашей страны могут рассказать тысячи и тысячи людей, приезжающие сюда искупаться в целительных источниках, подышать чистым горным воздухом, подлечиться и отдохнуть. С Сахалина едут рыбаки и нефтяники, из Донбасса — горняки, с Севера — лесорубы и ловцы пушного зверя. Уральские металлисты, хлопкоробы из Средней Азии, мастера земледелия с Украины и из Сибири, строители с берегов Волги, инженеры и учителя, машиностроители и ученые... Всех гостеприимно принимает старейшая всесоюзная здравница, окружая их заботливым уходом в прекрасно оборудованных санаториях, радуя щедрыми богатствами живописной природы Кавказа. И об этом отдыхающие пишут в своих письмах родным...

Отрывки из некоторых писем с разрешения авторов мы воспроизводим ниже.

Будем здоровы!

Электросварщик **М. Н. ВАСИЛЕНКО**
Город Красный Сулин

...Лечиться, так лечиться! И приходится мне с земляком стопками с нарзаном чокаться. Не знаю, от нарзана ли, от вкусной ли и обильной пищи, от красоты здешней, а может быть, от всего вместе, но чувствую, что здоровья прибавилось немало. Я, Машенька, за десять дней на два килограмма с лишком в весе прибавил. Места здесь красивые, глаз радуется. Гуляю много и все больше с Покиньбородой Василием Стефановичем, что мастером в котельном цехе. С ним мы и сфотографировались.

Санаторий наш больше на дворец похож, и чувствую я себя в этой роскоши замечательно.

На снимке: электросварщик М. Н. Василенко (слева) и мастер В. С. Покиньборода.

Все для блага человека

Мастер Запорожстроя
Г. П. БЛАТОВ

Здравствуйте, дорогие мои Даша, Валя, Нина и Валюша!

Очень рад, что вы все живы и здоровы. Я уже принял четыре нарзанные ванны и столько же грязевых. День и ночь в моей комнате открыты широкие окна, и такой чистый воздух с гор льется, что от него одного поздороветь можно. Ранним утром с моего балкончика хорошо виден Эльбрус. Две снеговые шапки так и сверкают под солнцем.

Санаторий новенький, недавно построен. Внутри мрамором и дубом отделан, кругом — картины, полы устланы коврами, стоит красивая мебель. При каждой комнате — ванная с холодной и горячей водой.

Познакомился тут с хорошими, интересными людьми. Встретился с архитектором, который наш цех на «Запорожстали» проектировал. Посылаю вам фотографию, где я снят во внутреннем дворике санатория. Справа от меня стоит эстонский композитор Эуген Капп, лауреат Сталинской премии. Я рассказывал ему, как на развалинах отстроилось и стало еще краше наше Запорожье...

Ждите меня молодого...

Кузнец Г. И. ЕРЕМЕЕВ
Похвистнево, Куйбышевская область

Последнюю ванну принял. Теперь ждите меня, молодого, домой.

Все мне охота повидать...

Колхозница М. В. ХОМЕНКО
Крым

Посылаю привет из Кисловодска мужу Михаилу Антоновичу и дорогим дочкам Люде, Аллочке и Верочке. Первый раз я на этом курорте и не могу передать, как славно здесь кругом. Нахожусь в санатории Министерства сельского хозяйства. Народу много, и все больше из колхозов и совхозов. Снялась я на балконе своей комнаты. Правда, хорошо здесь?

Все мне охота повидать, и я на месте не сижу. С экскурсией была в Пятигорске, посмотрела на домик Лермонтова и место, где дуэль была. Прогуливаюсь к Храму воздуха и повыше, на Красное солнышко. Названия-то все какие красивые и к этим местам подходящие!

Желаю вам, мои родные, всего наилучшего. Скоро приеду.

Из-за тридевяти земель

Тракторист Н. М. КЛИМЕНОК
Сахалин

Дорогая жена Мила!

Как в сказке говорится, за тридевять земель — и все наших советских — попал я с сурового Сахалина в здешние ласковые места. Со мной в комнате веселый паренек живет, Зиядин Сафин, тоже тракторист и тоже с Сахалина. Так что и о родных местах есть с кем поговорить.

Ухаживают здесь врачи так заботливо, как за малым ребенком. Даже порой совестно бывает. Прослушали всего, простукали, рентгеном насквозь просветили и теперь в нарзане купают, нарзаном поят, веерным душем массируют, зубы лечат, спать после обеда укладывают и говорят: «Курить бросишь, пить только по праздникам — и лет до ста проживешь!»

Кругом цветы. Фонтаны в гранитном бассейне плещут, виды замечательные, глядишь — не наглядишься. Хорошо здесь!

На снимке: Н. М. Клименок (слева) и З. Сафин.

Приеду с новыми силами

Экскаваторщик Ф. П. ЛАБУРЦОВ
Барнаул

Писать мне надо по адресу: Кисловодск, санаторий Министерства строительства СССР. Это один из новых дворцов отдыха, построенных в послевоенные годы. Вот он, красавец, виден на карточке.

Мне все нравится: и лечение, и бережное отношение к нам, отдыхающим, и разнообразная пища. Большой мастер здесь кондитер. Такими вкусными пирожными и печеньями кормит, каких у нас, в Барнауле, я и не пробовал.

В парке все время что-нибудь цветет. Сейчас доцветает акация, ей на смену распускаются розы. Вот так устроишься на парковой скамейке поближе к цветам и наслаждаешься. Тишина и покой.

Приеду с новыми силами, снова за работу!..

Не скучаю!

Электромонтер
М. К. ШИНКОРЕНКО
Баку

Сообщаю вам, ребята, что попал я в хорошие места. Пугали меня, что сюда только старики ездят, но здесь и молодежи достаточно. Так что не скучаю. А в доказательство посылаю фотокарточку. Это я с двумя девушками из нашего санатория на экскурсии у Медового водопада. Слева от меня слесарь с Украины Полина Жученко, а с папкой в руках — архитектор из Ростова Мария Чепижко.

Дышу чистым воздухом, ем с таким азартом, что официантка посмотрит и сама добавку несет. Ну и нарзанные ванны, конечно, принимаю. Они у нас оборудованы в самом санатории.

Палаты, как раньше говорилось, царские. Сейчас по-другому надо бы сказать, да слова подходящего не найду.

Напишите мне, как стройка нашего завода продвигается. Ваш неизменный дружок Михаил Шинкоренко.

Народ отдыхает

Мастер **Н. А. ВАСИЛЬЕВ**
Тарту

Со всех концов люди съехались. Собрались как-то компанией на веранде нашего санатория и в шутку давай считать, во сколько городов и республик от нас семерых открытки идут. Вот и получилось, что на адресах и Эстония есть, и Татария, и Москва, и Донбасс, и Саратов, и Белоруссия, и даже Заполярье. Со всей нашей великой страны люди здесь отдыхают и лечатся.

На снимке (слева направо): мастер Н. А. Васильев (Тарту), сборщица А. А. Федина (Казань), рентгенолог А. В. Симонова (Москва), директор совхоза Герой Социалистического Труда С. П. Символ (Ворошиловградская область), служащая подшипникового завода В. Н. Денисова (Саратов), работник Управления сельдяного флота Т. А. Белозерова (Мурманск) и железнодорожник Н. В. Куракевич (Минск).

Аппетит хороший

Мастер **С. М. ПЕТРУШЕВ**
Станция Фаянсовая, Московско-Киевская железная дорога.

Дорогая Надя!

Сообщаю, что лечение идет мне на пользу. Сплю хорошо, а ем еще того лучше. Под закуску морковный или томатный сок пью, а после этих витаминов весь обед без остатка съедаю. Врачи хвалят, говорят, что совсем молодцом стал. Я и сам чувствую себя на редкость хорошо. Видно, что нарзан большое действие имеет на организм. По мне, так уже сейчас в цех можно становиться...

Приятная встреча

Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени С. М. Кирова
Ф. И. ГЛЕБОВ
Горьковская область

Дорогие мои дети, Аида с Николаем и Валя!

Мы хорошо устроились в санатории. У нас отдельная комната с балконом. Мама и я много гуляем. Уже полтора килограмма сбавил весу и надеюсь еще похудеть.

В нашем же санатории встретил преподавателя из Тимирязевской академии Анну Петровну Крупенину. Ей как раз я и сдавал выпускной экзамен недавно в Москве, когда учился на курсах. Теперь сфотографировался с ней на память.

ДЕЛО О РАЗВОДЕ

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

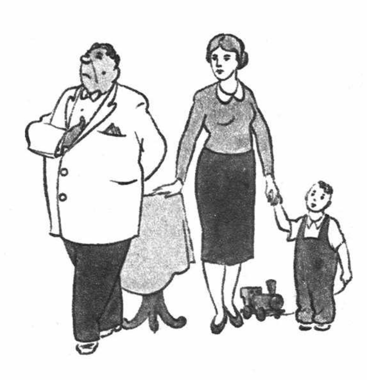
Рисунки Ю. Федорова.

Нам такое на днях довелось
прочитать
Объявленье в газете одной:
«А. Фомин, прож. Арбат, 23,
кварт. 105,
Возбужд. дело о разв.
с Фоминой».

Сколько скрыто страданий,
подумалось нам,
За смешными обрывками слов,
Сколько острых конфликтов,
трагедий и драм,
Слез,
ошибок,
неверных шагов...
Кто же этот Фомин? Какова
Фомина?
Чем обидел Фомин Фомину?
В чем причина, что мужа
бросает жена
Или муж оставляет жену?

Не одна Фомина, и Фомин не
один,
И не этот Фомин, так другой...

Но не трудно представить себе,
что Фомин
Прожил долгую жизнь
с Фоминой.

Как когда-то любил он, той
первой весной,
Как умел терпеливо он ждать,
Как ухаживал долго,
пока Фоминой
Не решилась любимая стать.

Наконец он женился.
Шли годы, и вот
Фомину стало скучно с женой.
Ведь жена-то стареет,
а время идет,
И не век же томиться с одной?

А возможно, совсем не вина
Фомина
Привела к объявленью такому.
Надоел. Низок пост. Мал оклад.
И жена
От него поспешила к другому.

У того, у другого, и званье и
чин.
Есть и дача под самой Москвой.
«ЗИМ». Квартира. Высокий
оклад. И Фомин
Не подходит уже Фоминой.

А быть может, Фомин этот —
юный наглец,
Носит усики, патлы Тарзана...
На танцульке нашел
покоритель сердец
Простодушную жертву романа.

Он бездельник.
Папаша с мамашей несут
Все земные заботы о сыне.

Третий раз разводиться поедет
он в суд
На отцовской казенной машине.

А возможно, трагедия
у Фомина,
Он подавлен, обижен, страдает.
Он узнал, что ему изменила
жена...
И такое ведь в жизни бывает...

И мы стали искать Фомина с
Фоминой
В книгах,
в пьесах,
в сюжетах картин,
Но мы книги такой
не нашли ни одной,
Где б с женой разводился
Фомин.

Мы читали,
искали везде, где могли,
Мы потратили много усилий,
Но нигде не нашли Фоминых, а
нашли
Только множество брачных
идиллий.

А ведь, кажется, всем уж пора
перестать
Каждый раз обходить стороной,
Что «Фомин, прож. Арбат, 23,
кварт. 105,
Возбужд. дело о разв. с
Фоминой».

ЛЕТНИЕ ЗАРИСОВКИ

— Плесни водицы, пить хочется...

Не академическая «восьмерка».

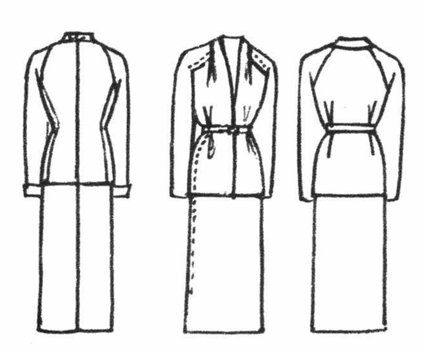

Выход из затруднительного положения.

Рисунки Ю. Черепанова.

КОСТЮМЫ ИЗ ШЕРСТЯНЫХ ТКАНЕЙ

1. Жакет прилегающей формы с вытачками по талии. Рукава—полуреглан с отворотами. Воротник и карманы отделаны вышивкой-шнурком.

Юбка прямая, четырехшовная. Спереди вшит кусок ткани, заложенный мелкими складочками.

Автор модели — А. Алиханова, ателье № 42 «Мосиндодежда».

2. Жакет мягкой формы с поясом, на спинке по линии ворота настрочена выкройная бейка. Рукава реглан спереди встрочены в складки, заложенные от плечевых швов, являющиеся как бы продолжением бейки. Бока полочек отрезные по талии, проходят под карманы.

Юбка прямая, двухшовная, со складками на боках. Карманы на юбке широкие, отстроченные.

Автор модели — Е. Котова, ателье № 34 «Мосиндодежда».

Ледниковые «грибы»

На крупных ледниках Тянь-Шаня и Памира, там, где происходит интенсивное таяние их поверхности, можно встретить целые семейства ледниковых «грибов». Такой «гриб» представляет собой обломок скалы, лежащий на ледяном столбе.

Какая же сила ставит камни иногда в несколько тонн весом на столбы из льда? Ледник, сползая вниз по долине обычно со скоростью, не превышающей метра в сутки, попадает наконец в такие климатические условия, когда его поверхность начинает интенсивно таять. Большой обломок или каменная глыба, находясь на леднике, предохраняет это место от таяния, в результате чего и образуется ледниковый «стол» или «гриб».

Ледниковый «гриб».

Интересны и земляные пирамиды. Их также покрывает каменная шляпа.

В отличие от ледниковых «столов» и «грибов» земляные пирамиды имеют более солидный возраст. Нужны тысячелетия, а иногда и десятки тысяч лет, чтобы ветер и вода смогли унести пласт почвы в несколько десятков метров, образовав под обломком скалы высокую земляную пирамиду.

Земляная пирамида у кишлака Анзоб.

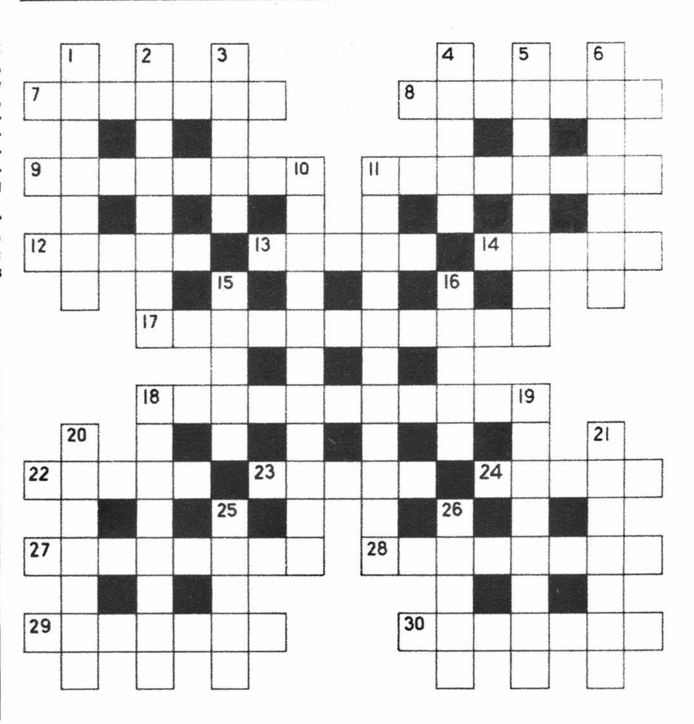
Интересная земляная пирамида находится на южных склонах Зеравшанского хребта, рядом с кишлаком Анзоб. Впервые ее обнаружил известный исследователь Средней Азии геолог И. В. Мушкетов в семидесятых годах прошлого века.

О долговечности земляной пирамиды можно судить, сопоставляя фотографии. Снимок, помещенный И. В. Мушкетовым в его труде «Туркестан», ничем не отличается от фотографии, снятой через 80 лет.

Вл. РАЦЕК

Ташкент.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Соревнование. 8. Оратор и писатель-философ древнего Рима. 9. Сельскохозяйственное предприятие. 11. Сорт каменного угля. 12. Русская игра. 13. Минерал. 14. Письменное приветствие. 17. Учебное пособие. 18. Ядовитая горючая жидкость. 22. Область естественного распространения определенных растений или животных. 23. Телосложение, фигура. 24. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Не все коту масленица». 27. Псевдоним А. И. Герцена. 28. Украинский поэт. 29. Войсковое соединение. 30. Русский писатель.

По вертикали:

1. Обозначенная цена. 2. Род стихотворения. 3. Великий итальянский мыслитель. 4. Хвойное дерево. 5. Остров в Датском архипелаге. 6. Цирк в древнем Риме. 10. Создатель машин, механизмов, сооружений. 11. Прибор для накопления электрической энергии. 15. Дикая африканская лошадь. 16. Большой гурт овец. 18. Рассказ исторического или легендарного содержания. 19. Горная область на Кавказе. 20. Авторитет, влияние. 21. Французский композитор и шахматист XVIII века. 25. Перемещение. 26. Доказательство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

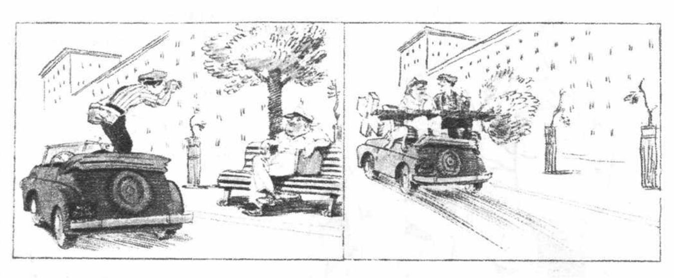
По горизонтали:

5. Тубероза. 7. Ушинский. 9. Микробиолог. 12. Страз. 13. Норов. 14. Импульс. 16. Родина. 17. Целина. 18. Индеец. 19. Матрос. 23. Пример. 25. Платан. 26. Рафаэль. 27. Синоп. 29. «Клоун». 30. Выпрямитель. 31. Эстакада. 32. «Нефтяник».

По вертикали:

1. Кубатура. 2. Иргиз. 3. Антон. 4. «Дипломат». 6. Зарема. 8. Штольц. 9. Майданников. 10. Блуза. 11. Горизонталь. 14. Инженер. 15. Септоль. 20. Оптимист. 21. Грамм. 22. Индукция. 24. Разряд. 25. Платье. 28. «Пышка». 29. Клеть.

«ДОГАДЛИВЫЙ» ФОТОГРАФ

Рисунки Ч. Юрьева.

В этом номере на вкладках: четыре страницы рисунков В. Богаткина и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 02891. Подп. к печ. 4/VIII 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 615. Заказ № 1819. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Авиамоделисты Дома пионеров Кировского района Москвы на испытании моделей. Пускает модель мировая рекордсменка авиамоделистка Ира Чебанова.

Фото П. Евгеньева.

Цена 3 руб.